

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

Выпуск № 4(22)

октябрь – декабрь

2018

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
Состав редакционного совета журнала	6
Состав редакционной коллегии журнала	8
От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала	10

Философия информационного общества

Проблемы информационного общества: методология решения	
<i>Е. Д. Шетулова</i>	12
Законы существования в виртуальных мирах: построение и нарушение	
<i>Д. С. Быльева, Т. А. Нам</i>	20
Роль информации в формировании и развитии экологической культуры населения	
<i>В. Н. Васильева, Л. Н. Лобченко</i>	29
Структура языковых категорий: классический vs. прототипический подходы	
<i>Т. Г. Скребцова</i>	46

Теория и история культуры

Национальная культура в постиндустриальном обществе	
<i>Л. Е. Лойко (Республика Беларусь)</i>	59
Культура праздника: между игрой и не-игрой	
<i>И. Н. Лаврикова</i>	69
Феномен языка в контексте культурно-коммуникативных процессов информационной цивилизации	
<i>Е. В. Кузнецова</i>	87

Из истории отечественной науки

Исследование В. С. Дерябиным влияния эмоций на физиологические процессы как психофизиологический подход к изучению патогенеза психосоматических заболеваний	
<i>О. Н. Забродин</i>	96
Влияние эмоций на физиологические процессы	
<i>В. С. Дерябин (Публикация О. Н. Забродина)</i>	101

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	106
---	-----

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial Council of the Journal	6
Editorial Board of the Journal.	8
Editorial. Summary of the Issue.	10

Philosophy of Information Society

Information Society Problems: Solution Methodology <i>E. D. Shetulova</i>	12
The Laws of Existence in Virtual Worlds: Construction and Violation <i>D. S. Bylieva, T. A. Nam</i>	20
The Role of Information in the Development of the Environmental Culture of the Public <i>V. N. Vasilyeva, L. N. Lobchenko</i>	29
The Structure of Linguistic Categories: Classical vs. Prototype Theories <i>T. G. Skrebtsova</i>	46

Theory and History of Culture

National Culture in Post-Industrial Society <i>L. E. Loyko (Republic of Belarus)</i>	59
Holiday Culture: Between Game and Non-Game <i>I. N. Lavrikova</i>	69
Language Phenomenon in Cultural and Communicative Context of Information Civilization <i>E. V. Kuznetsova</i>	87

From the History of the Science of Our Country

V. S. Deryabin's Study of Emotion Influence on Physiological Processes as a Psycho-Physiological Approach to the Research of Psychosomatic Diseases Pathogenesis <i>O. N. Zabrodin</i>	96
Emotion Influence on Physiological Processes <i>V. S. Deryabin (Publication of O. N. Zabrodin)</i>	101

Article Presentation Rule

Article Presentation Rules.	106
-------------------------------------	-----

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

24.00.00 – культурология;

19.00.00 – психологические науки.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Боев Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Идахо (США), Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – декан философского факультета Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, вице-президент Российского философского общества (по согласованию).

Орлов Владимир Вячеславович – профессор кафедры философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, советник ректора Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем транспорта Российской академии наук им. Н. С. Соломенко (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

Состав редакционной коллегии журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Игнатьев Михаил Борисович – директор Международного института кибернетики и артоники ГУАП, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Президента России.

Оконская Наталья Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.

Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.

Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала

Наш журнал продолжает публикацию материалов, представленных на Шестой международной научно-практической конференции «Философия и культура информационного общества», проходившей 16–17 ноября 2018 года в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения.

В открывающей № 4 (22) статье **«Проблемы информационного общества: методология решения»** доктор философских наук **Е. Д. Шетулова** подчеркивает необходимость преодоления крайностей технократических и антитехнических подходов. Только это позволит решить, в частности, проблемы занятости и цифрового неравенства в современном обществе. Кандидат политических наук **Д. С. Быльева** и кандидат педагогических наук **Т. А. Нам** поднимают в работе **«Законы существования в виртуальных мирах: построение и нарушение»** новую проблему взаимодействия мира виртуального и мира реального. Нормы поведения виртуальной реальности отличаются от норм обыденной, «не виртуальной» реальности. Однако в последние годы действия, производимые участниками компьютерных игр, начинают приобретать выраженную в деньгах цену (стоимость), что все больше сближает виртуальный мир с обыденной реальностью и делает первый объектом юридической оценки и контроля. Доктор социологических наук **В. Н. Васильева** и кандидат исторических наук **Л. Н. Лобченко** в статье **«Роль информации в формировании и развитии экологической культуры населения»** на основе контент-анализа публикаций по проблемам экологии в современных СМИ раскрывают наиболее актуальные направления развития и пропаганды экологической культуры, которые позволят ориентировать общественное мнение на усиление внимания к разнообразным аспектам природоохранной деятельности. Публикация кандидата филологических наук **Т. Г. Скребцовой** **«Структура языковых категорий: классический vs. прототипический подходы»** ставит философскую проблему взаимосвязи классической теории категорий (сформулированной Аристотелем) и альтернативной ей теории прототипов, предложенной в 1960–1970-е годы под влиянием когнитивной революции.

В рубрике «Теория и история культуры» в статье кандидата философских наук **Л. Е. Лойко** (Республика Беларусь) **«Национальная культура в постиндустриальном обществе»** исследуются механизмы исторической памяти русского и белорусского народа. На них оказали особое влияние контакты между регионами, где традиционно проживали восточные славяне – белорусы, русские, украинцы. Доктор культурологии **И. Н. Лаврикова** в работе **«Культура праздника: между игрой и не-игрой»** анализирует основные подходы к изучению этой культуры, сложившиеся к настоящему времени, и обращает внимание на взаимосвязь праздничной культуры с другими явлениями общественной жизни, позволяющие празднику и игре заметно воздействовать на духовную и, в частности, политическую жизнь общества. В статье кандидата философских наук **Е. В. Кузнецовой** **«Феномен**

языка в контексте культурно-коммуникативных процессов информационной цивилизации» рассмотрена связь языка с культурой народа, влияние языкового единства на формирование единства его носителей – социальных общностей.

Под рубрикой «Из истории отечественной науки» впервые публикуется без купюр фрагмент монографии ученика академика И. П. Павлова, психофизиолога и психиатра профессора **В. С. Дерябина** (1875–1955), озаглавленный: **«Влияние эмоций на физиологические процессы»**. Развиваемый им подход до сих пор сохраняет значение для понимания проблемы взаимосвязи психического и физиологического, еще не решенной до конца в современной науке. Научный комментарий к публикации подготовил доктор медицинских наук **О. Н. Забродин**.

Главный редактор

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 101.1:316

Проблемы информационного общества: методология решения^{*}

Шетулова Елена Дмитриевна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева», кафедра методологии, истории и философии науки, профессор, доктор философских наук, доцент, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: shetulowa@yandex.ru

603950, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24,
тел.: 8-831-436-94-75.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Диалектический подход к анализу активного развития информационно-компьютерных технологий позволяет констатировать наличие позитивных и негативных моментов в этом процессе. Отрицательная сторона выражает себя в появлении ряда проблем, носящих как технологический, так и социальный характер.

Задача исследования: Определение путей и условий снятия проблем, порождённых развитием информационного общества.

Результаты: Исследование путей и условий разрешения социальных и антропологических проблем, присущих информационному обществу, позволяет констатировать недостаточность как сугубо технократических, так и антитехницистских подходов. Поиск путей решения находится, во-первых, в сфере создания и внедрения социальных технологий, минимизирующих негативные последствия развития информационно-компьютерных технологий, и, во-вторых, в области трансформации общества в направлении большей социальной ориентированности его деятельности.

Область применения результатов: Дальнейшее развитие методологии решения проблем информационного общества расширяет возможности исследований в социальной философии, социологии, политологии.

Выводы: Изучение вопроса социальных условий снятия проблем информационного общества приводит к общему выводу, что основным условием выступает трансформация общества в направлении к углублению социальной направленности его деятельности. Новые информационные технологии требуют соответствующего социального контекста. Этот социальный контекст во внутринациональном плане включает общую направленность на развитие человека, понимание и принятие обществом и государством необходимости социальной, а не только узко экономической

^{*} © Е. Д. Шетулова, 2018

эффективности, общего планирования экономического и социального развития страны. В международном плане в качестве основного условия выступает глобальное международное сотрудничество, регулирующее информационную среду и развитие информационно-компьютерных технологий.

Ключевые слова: информационная революция; информационное общество; социальные проблемы; социальная формация; социальная система; технология; методология.

Information Society Problems: Solution Methodology

Shetulova Elena Dmitrievna – Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev, Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Professor, Doctor of Philosophy, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: shetulowa@yandex.ru

24 Minina st., Nizhny Novgorod, 603950, Russia,
tel.: 8-831-436-94-75.

Abstract

Background: The dialectical approach to the analysis of the active development of information and computer technologies allows us to state the presence of positive and negative aspects in this process. Its negative side is several problems of both technological and social nature.

Research aim: Determination of ways and conditions for the removal of emerging problems generated by the development of information society.

Results: The study of these ways and conditions for removing social and anthropological problems inherent in information society makes it possible to state the inadequacy of both purely technocratic and anti-technical approaches. The search for the solution is, first, in the field of creating and introducing social technologies that minimize the negative consequences of the development of information and computer technologies, and, second, in the field of society transformation towards a greater social orientation of its activities.

Research applications: Further development of the methodology for solving problems of information society raises the possibilities of research in social philosophy, sociology, and political science.

Conclusion: Studying the social conditions of removing the issues of information society leads to the general conclusion that the main one is the transformation of society towards increasing the social orientation of its activity. New information technologies require an appropriate social context. This social context at intra-national level includes a general focus on human development, understanding and acceptance by society and state the necessity of not only economic but also social efficiency, general planning of the economic and social development of the country. At the international level, the main condition is global international cooperation regulating the information environment and the development of information and computer technologies.

Keywords: information revolution; information society; social problems; social formation; social system; technology; methodology.

Современная отечественная литература уделяет достаточное внимание проблематике информационно-компьютерной революции и информационного общества (работы А. Л. Гринина, Л. Е. Гринина, В. А. Иноземцева, С. В. Орлова, А. И. Ракитова, В. Е. Удовика) [см.: 2; 5; 8; 9]. Её дефиниции, представленные разными авторами, разумеется, различны. Однако, как представляется, вполне правомерно вслед за В. А. Иноземцевым и В. Е. Удовиком определить информационно-компьютерную революцию как каскад сменяющих друг друга и накладывающихся друг на друга нелинейных процессов радикальных трансформаций в современной компьютерной технике и информационно-компьютерных технологиях, опирающихся на постоянно меняющиеся технико-технологические средства хранения, приобретения, продуцирования, трансформации и трансляции информации [см.: 5, с. 69–70].

Происходящая информационно-компьютерная революция, по мнению А. Л. Гринина и Л. Е. Гринина, имеет ряд основных направлений, таких как развитие медицинских технологий, био- и нанотехнологий, робототехники, информационных, когнитивных технологий. Все эти направления, в конечном счёте, формируют сложную систему саморегулирующегося производства [см.: 2, с. 27]. Основной результат информационно-компьютерной революции – построение информационного общества.

Информационное общество, как и любой другой тип общества, естественно, обладает как рядом положительных характеристик, так и собственным набором проблем. Авторы, акцентирующие внимание на положительных сторонах информационного общества, к примеру, В. А. Иноземцев и В. Е. Удовик, отмечают, что, по их мнению, информационное общество в настоящий момент переходит в новую фазу, обозначаемую ими как ИТКО (интеллектуально-телекоммуникационное общество). Этот переход первоначально охватит традиционно развитые страны и распространится затем на остальной мир стремительнее, чем все предшествующие типы обществ. Следствие его становления заключено в формировании полнейшей социальной защищенности всех жителей планеты, а также окончательном утверждении подлинной демократии на всей территории Земли [см.: 5, с. 73].

Авторы, диалектически рассматривающие информационно-компьютерную революцию и становление информационного общества, не отрицая положительной стороны происходящих перемен, подчёркивают, что этот тип общества характеризуется и рядом собственных проблем.

Например, в работе А. Л. Гринина и Л. Е. Гринина содержится достаточно интересный анализ складывающихся проблем информационного общества, рассмотренных ими преимущественно путём обращения к развитию современных медицинских технологий. Так, ими отмечается наличие правовых, этических, педагогических, идеологических проблем, имеющих выражение в большой гибкости морали, изощрённости права, разрушении традиции. Всё это

рождает потенциальный риск нарушения социальных и биологических основ существования человека, серьёзного отражения этого процесса на базовых явлениях в сфере понимания семьи, пола, отношения к жизни [см.: 2, с. 46–47].

Со своей стороны, сформулируем собственное понимание основных проблем информационного общества. По нашему мнению, их можно разделить на две большие группы – социальные и антропологические.

Прежде всего, обратимся к социальным проблемам, к которым отнесём, в частности, проблему занятости и возникновение цифрового неравенства (цифрового раскола).

Разумеется, использование информационно-компьютерных технологий имеет множество положительных следствий, выражающихся в повышении производительности труда, снижении издержек производства, изменении структуры промышленности, повышении качества, гибкости, надёжности продуктов и процессов, расширении глобальной экономики. В частности, как показано в статье М. Г. Дубининой, основанной на материалах новейших западных исследований, производительность труда компаний, использующих компьютерные сети, на 3,7–7,2 % выше, чем компаний, не делающих этого [см.: 3].

В связи со столь большой эффективностью применения информационно-компьютерных технологий процесс компьютеризации в западных странах не снизит в ближайшее время своих темпов. По западным данным, приведённым в той же статье М. Г. Дубининой, в США к 2050 году ожидается компьютеризация 80 % автомобильной промышленности, 70 % резиновой, пластмассовой, обувной и текстильной, 60 % в области безопасности, наблюдения, обороны, 45 % в здравоохранении, 30 % в сфере туризма. Европейские страны также демонстрируют впечатляющие темпы компьютеризации. Так, в ближайшие десятилетия ожидается замещение новыми технологиями около 50–60 % профессий [см.: 3]. Это, несомненно, принесёт с собой повышение производительности труда и снижение издержек.

Однако рассмотрение социальных последствий процессов компьютеризации выявляет углубление ряда проблем социального, социально-экономического плана. Согласно тем же западным исследованиям, этот бурный технический прогресс может снизить заработную плату и сократить рабочие места для миллионов людей по всему миру. Действительно, распространение информационно-компьютерных технологий сокращает спрос на специалистов не только низкой, но и средней квалификации, таких как бухгалтеры, секретари, делопроизводители. Сама сфера информационно-компьютерных технологий претерпевает сокращение потребности в специалистах по самим этим технологиям. Это касается и программистов, и системных администраторов [см.: 3]. На первый взгляд, технологическая безработица может и должна преодолеваться за счёт перераспределения рабочей силы, благодаря дальнейшему развитию современных технологий, но это происходит далеко не всегда и не отличается безболезненностью. Подходящий вид занятости оказывается не так легко найти.

Другая серьёзная проблема, рождённая становлением и развитием информационного общества, – это проблема цифрового неравенства.

По мнению О. В. Волченко, проблема цифрового неравенства в теоретическом плане пока изучена достаточно слабо. Но ее основное содержание можно кратко охарактеризовать как неравномерность возможностей доступа к сфере информационных технологий для различных групп населения. Следует отметить, что повсеместность интернета есть иллюзия. Это касается и нашей страны, в которой пользование всемирной сетью зависит от дохода, пола, возраста. К примеру, стоимость мегабита в секунду в Москве составляет 16 рублей, а в Дальневосточном федеральном округе уже 197 рублей [см.: 1].

В чём опасность цифрового неравенства? В статье О. В. Волченко подчеркивается: «Различия в доступе к технологиям должны вызывать опасения, так как в информационном обществе распространение знания среди различных групп напрямую связано с новыми устанавливающимися формами неравенства. В настоящее время всё большее количество сервисов становится доступно онлайн, – соответственно, люди, не использующие интернет, лишены не просто доступа к абстрактной информации, но и к реальным ресурсам» [см.: 1]. Иначе выражаясь, цифровое неравенство утяжеляет ряд других его видов.

У проблем информационного общества есть не только сугубо социальное или узко социально-экономическое, но и антропологическое измерение.

Когда-то Г. В. Ф. Гегель подчёркивал, что прогресс разума никак не тождественен росту счастья [цит. по: 7, с. 361]. В этом смысле информационное общество несколько не отличается от других обществ. Жизнь человека не стала счастливее и безопаснее. В сфере безопасности личности возникли или модифицировались ряд угроз и вызовов, таких как информационная война, манипуляция сознанием, проблемы, связанные с обеспечением авторского права, распространением порнографии, в том числе детской.

С развитием информационно-компьютерных технологий усугубился отчуждённый характер отношений человека и общества. Н. Н. Исаченко, рассматривая отчуждение как социальный феномен современного общества, находящий своё новое выражение в условиях развития информационных технологий, отмечает ряд новых проявлений отчуждения. Эти новые проявления заключены в отчуждении человека от собственной сущности ввиду погружённости в мир компьютеров, роботов, в нарастании бессилия, духовной изоляции, разобщённости с другими субъектами. Кроме того, информационные сети, распространяя одинаковую информацию, стандартизируют язык, унифицируют сознание, следовательно, снижают интеллектуальный уровень субъектов [см.: 6].

Наличие проблем инициирует поиск путей их снятия. Понимание их содержания нередко носит либо технократический, либо антитехнический характер. Следовательно, или дальнейшее развитие тех же технологий способно преодолеть накапливающиеся проблемы, или стабилизации обстановки способствует обеспечение устойчивого развития («нулевого

роста»), минимизирующего возможности непредсказуемого дальнейшего прогресса технологий.

Однако поиск такого рода путей, как представляется, правомернее связать с вопросами создания и внедрения социальных технологий. Как это, к примеру, представлено в материале А. Л. Гринина, Л. Е. Гринина, в создании соответствующих инструментов социального и правового плана, которые были бы способны минимизировать негативные последствия развития информационных технологий, а также разработке технологий социального предвидения и купирования проблем [см.: 2, с. 47].

Не отрицая необходимости создания таких инструментов и технологий, обратим внимание на следующий, важный, с нашей точки зрения, аспект. Известно, что различные социальные системы и структуры могут демонстрировать разные уровни восприимчивости к тем или иным технологиям, а стремление к внедрению новых технологий либо осуществимо, либо неосуществимо в зависимости от наличия или отсутствия тех или иных социальных трансформаций [см.: 9, с. 77–78]. В частности, это развёрнуто и обоснованно показано в работе А. И. Ракитова «Философия компьютерной революции». Другими словами, развитие технологий требует соответствующих социальных условий, способствующих или препятствующих такого рода развитию. Историческое движение технологий вперёд с неизбежностью приводит к формированию проблем. Их разрешение также зависит от наличия или отсутствия определённых социальных условий. Ибо между технологиями и обществом существует двусторонняя связь.

Это ставит перед нами задачу определения сущности общественных условий, в наибольшей мере способствующих решению вопросов смягчения или разрешения проблем, порождённых ходом информационной революции. Исходя из марксистской методологии, которой мы придерживаемся, отметим, что, по нашему мнению, в современном мире возможны два социальных контекста (формации, системы), в условиях которых развиваются информационные технологии – это капитализм и социализм.

Сегодня многие западные и отечественные экономисты подчёркивают, что «капиталистическая экономика, как рыночная система, себя исчерпала полностью и должна быть подкреплена государственным регулированием и планированием (планирование, по мнению Дж. Гэлбрейта, идёт на смену рыночному хозяйству). Требуется переход к новому обществу» [10, с. 36]. В том числе потому, что некоторые «традиционные» «провалы рынка» дополняются новой его разновидностью, а именно «нарастающей неспособностью обеспечить развитие стратегических направлений технического прогресса» [4, с. 48]. И, добавим, нарастающей неспособностью разрешить проблемы, порождённые техническим развитием. Соответственно, основное социальное условие – это трансформация общества в сторону его дальнейшей социализации. Однако такого рода трансформация есть дело определённого времени. Но дело, по всей видимости, необходимое.

Список литературы

1. Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 5. – С. 163–182 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2016/135/2016_135_10_Volchenko.pdf (дата обращения 28.09.2018).
2. Гринин А. Л., Гринин Л. Е. Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций) // Философия и общество. – 2015. – № 1–2 (76). – С. 17–47.
3. Дубинина М. Г. Влияние информационных технологий на динамику занятости в России и за рубежом // Наука. Инновации. Образование. – 2017. – № 2 (24). – С. 109–133.
4. Зяблюк Р. Т. Исторический вектор тенденций современного капитализма // Пределы капитализма и прорывы социализма. Материалы Форума марксистов 19 декабря 2015 года / Под ред. А.А. Ковалева. – М.: ИТРК, 2016. – С. 43–56.
5. Иноземцев В. А., Удовик В. Е. Информационно-компьютерная революция и становление информационного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 8 (14). – Ч. IV. – С. 69–74.
6. Исаченко Н. Н. Отчуждение как социальный феномен современного общества // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – № 5 (415). – Философские науки. – Вып. 48. – С. 66–70.
7. Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 544 с.
8. Орлов С. В. Исследование информационного общества как комплексная проблема // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2015. – № 4 (24). – С. 5–15.
9. Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. – М.: Политиздат, 1991. – 287 с.
10. Руднев В. Д. Пределы капитализма до и после глобализации // Пределы капитализма и прорывы социализма. Материалы Форума марксистов 19 декабря 2015 года / Под ред. А. А. Ковалева. – М.: ИТРК, 2016. – С. 30–42.

References

1. Volchenko O. V. Dynamics of Digital Inequality in Russia [Dinamika tsifrovogo neravenstva v Rossii]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotcialnye peremeny* (Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes), 2016, № 5, pp. 163–182. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2016/135/2016_135_10_Volchenko.pdf (accessed 28 September 2018).
2. Grinin A. L., Grinin L. E. The Cybernetic Revolution and Historical Process (The Future Technologies in the Light of the Theory of Production Revolutions) [Kiberneticheskaya revolyutsiya i istoricheskiy protsess (Tekhnologii buduschego v

svete teorii proizvodstvennykh revolyutsiy)]. *Filosofiya i obschestvo* (Philosophy and Society), 2015, № 1–2 (76), pp. 17–47.

3. Dubinina M. G. Impact of Information Technology on the Dynamics of Employment in Russia and Abroad [Vliyanie informatsionnykh tekhnologiy na dinamiku zanyatosti v Rossii i za rubezhom]. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie* (Science. Innovation. Education), 2017, № 2 (24), pp. 109–133.

4. Zyablyuk R. T. Historical Vector of Trends of Modern Capitalism [Istoricheskiy vector tendentsiy sovremennogo kapitalizma]. *Predely kapitalizma i proryvy sotsializma: Materialy foruma marksistov 19 dekabrya 2015 goda* (The Limits of Capitalism and the Breakthroughs of Socialism: Materials of the Marxist Forum December 19, 2015). Moscow, ITRK, 2016, pp. 43–56.

5. Inozemtsev V. A., Udovik V. E. Information-Computer Revolution and Information Society Formation [Informatsionno-kompyuternaya revolyutsiya i stanovlenie informatsionnogo obschestva]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* (Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art), Tambov, Gramota, 2011, № 8 (14), Part 4, pp. 69–74.

6. Isachenko N. N. Alienation as a Social Phenomenon of Modern Society [Otchuzhdenie kak sotsialnyy fenomen sovremennogo obschestva]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofskie nauki* (Bulletin of Chelyabinsk State University), 2018, № 5 (415), Philosophy Sciences, Iss. 48, pp. 66–70.

7. Marcuse H. Reason and Revolution. Hegel and the Rise of Social Theory [Razum i revolyutsiya. Gegel i stanovlenie sotsialnoy teorii]. Saint Petersburg, Vladimir Dal, 2000, 544 p.

8. Orlov S. V. Information Society Studying as a Complex Problem [Issledovanie informatsionnogo obschestva kak kompleksnaya problema]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* (Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”), 2015, № 4 (24), pp. 5–15.

9. Rakitov A. I. Philosophy of Computer Revolution [Filosofiya kompyuternoy revolyutsii]. Moscow, Politizdat, 1991, 287 p.

10. Rudnev V. D. The Limits of Capitalism before and after Globalization [Predely kapitalizma do i posle globalizatsii]. *Predely kapitalizma i proryvy sotsializma: Materialy foruma marksistov 19 dekabrya 2015 goda* (The Limits of Capitalism and the Breakthroughs of Socialism: Materials of the Marxist Forum December 19, 2015). Moscow, ITRK, 2016, pp. 30–42.

УДК 316.754; 004.946

Законы существования в виртуальных мирах: построение и нарушение*

Быльева Дарья Сергеевна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Высшая школа общественных наук, Гуманитарный институт, доцент, кандидат политических наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: newneverland@mail.ru

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29,
тел.: +7-812-534-75-21.

Нам Татьяна Анатольевна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Высшая школа инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики, Гуманитарный институт, доцент, кандидат педагогических наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: namt@mail.ru

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29,
тел.: +7-812-297-03-18.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Постоянное повышение роли виртуального пространства в жизни человека ставит вопрос о статусе и законах существования виртуальных миров и их соотношения с миром материальным. Нематериальность игровых миров позволяет людям с легкостью нарушать нормы виртуального существования, предписываемые демиургом.

Результаты: В многопользовательских компьютерных играх ярко проявляется особый статус виртуальной реальности. В этих играх существуют специфические законы, присутствуют формы и мотивы их нарушения, санкции в отношении нарушителей и обманщиков со стороны администраторов и участников игры. Проблема похищения виртуальной собственности, имеющей экономическую ценность, ставит вопрос о юридических санкциях за виртуальные действия. В настоящее время обнаруживается зависимость юридических подходов к спорам о виртуальных объектах от различия в трактовке «реальности» виртуальных миров.

Выводы: Виртуальные миры обладают специфической формой реальности, не позволяющей распространять на нее нормы поведения обыденной реальности. Их привлекательность и состоит прежде всего в том, что там «возможно невозможное». Однако законы поведения существуют и в игровых мирах. Включение виртуальных миров в реальную экономическую систему вызвало всплеск мошенничества, связанного с присвоением виртуальной собственности и обращениями по этому поводу в судебные

* © Д. С. Быльева, Т. А. Нам, 2018

инстанции. От трактовки сути виртуальной реальности будет зависеть принятие судебных решений и мера юридического контроля за поведением игроков в виртуальных мирах.

Ключевые слова: Интернет; компьютерные игры; виртуальное право; виртуальная реальность.

The Laws of Existence in Virtual Worlds: Construction and Violation

Bylieva Daria Sergeevna – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Graduate School of social science, Humanitarian Faculty, associate professor, Ph. D. (Political sciences), Saint Petersburg, Russia.

E-mail: newneverland@mail.ru

29 Politechnicheskaya st., Saint Petersburg, 195251, Russia,
tel.: +7-812-534 75-21.

Nam Tatiana Anatolievna – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Graduate school of Engineering Education, Humanitarian Faculty, associate professor, Ph. D. (Pedagogics), Saint Petersburg, Russia.

E-mail: namt@mail.ru

29 Politechnicheskaya, st., Saint Petersburg, 195251, Russia,
tel.: +7-812- 297-03-18.

Abstract

Background: The constant expansion of virtual space in human life raises the question of the status and laws of the existence of virtual worlds and their relationship with the material world. The intangibility of the game worlds allows people to violate easily the norms of virtual existence prescribed by the demiurge.

Results: In multiplayer computer games, the special status of virtual reality is manifested. In these games there exit specific laws, forms and motives for their violation, as well as sanctions applied by game creators and players against violators and cheaters. The theft of virtual property, which has some economic value, raises the question of legal sanctions for virtual actions. Currently, there is a dependence of legal approaches to disputes about virtual objects. This dependence arises from the difference in the interpretation of “the reality” of virtual worlds.

Conclusion: Virtual worlds are a specific form of reality that does not allow the behavior norms existing in everyday reality to be accepted to it. Their appeal is primarily in the fact that “the impossible becomes possible”. However, the laws of behavior do exist in the game worlds. The inclusion of virtual worlds in the real economic system has caused a surge in fraud connected with virtual property misappropriation and legal actions. Judgments and measures to control the players’ behavior in virtual worlds will depend on the interpretation of the essence of virtual reality.

Keywords: Internet; videogame; virtual law; virtual reality.

Интернет порождает новое пространство социального взаимодействия, включающее в себя более 4,2 млрд человек. Пространство интернета кажется логичным продолжением физического мира, однако большие различия в их природе приводят к изменениям и социальных законов существования. Л. И. Евсеева, В. В. Евсеев отмечают виртуализацию как глобальный тренд развития цивилизации [см.: 3, с. 23]. Особенно это заметно в областях, наименее зависимых от физического мира – в области созданных игровых миров. Принципы существования в играх отличаются от принципов существования физического мира: здесь нет незыблемых законов бытия.

Виртуальные миры многопользовательских игр имеют нечто общее с виртуальными мирами художественного воображения, снов, разнообразных психологических состояний, что позволяет относиться к ним как к «нереальности». С другой стороны, основным признаком истинной реальности, отличающей ее от всех других возможных реальностей, П. Бергер и Т. Лукман называли интерсубъективность мира, «который я разделяю с другими людьми» [6]. Таким образом, виртуальная реальность, которую О. Д. Шипунова, И. П. Березовская, Е. М. Гашкова предлагают определять как специфическую интерактивную среду, которая конструируется технически при помощи компьютерных средств оперирования объектами, подобными реальным или воображаемым [см.: 4, с. 61], предстает как новая реальность, предлагающая альтернативные законы существования.

Первым законодателем норм, имеющим первенство и наибольшие возможности, является создатель игры, который определяет законы построения новой игровой вселенной. Новые игровые миры строятся как противоположность миру физическому, но при этом остаются его подобием. Исполнение несбыточного в виртуальных мирах возможно благодаря прежде всего нарушению любых законов мира оффлайн – от правовых до физических.

В. Сислер предлагает считать код игры нормой, определяющей поведение игроков [см.: 14]. Правила признаются одним из основных элементов игры, но очень мало определений того, что же они представляют собой [см.: 15]. Д. Парлет, продолжая мысль Й. Хейзинга, утверждавшего, что «каждая игра имеет свои правила», пишет: каждая игра и есть ее правила, так как именно они определяют ее суть [см.: 12]. Дж. Фон Ньюман и О. Моргенстерн отмечают, что «правила игры <...> есть абсолютные законы. Если они нарушаются, то взаимодействие по определению перестает быть игрой, описанной этими правилами» [17, с. 49]. Законы виртуального мира прописаны обычно в пользовательском соглашении, к которому пользователи относятся достаточно легкомысленно.

Современные компьютерные многопользовательские игры являются настолько сложным построением, что по праву называются виртуальными мирами. Создавая свою игровую вселенную, демиург далеко не всегда может предусмотреть, каким образом игроки будут двигаться к цели, какие возможности и незапланированные автором решения они будут использовать. Так, дизайнеры игры «Ultima Online» осознали, что запущенная игра «больше не принадлежала им, и было бы неправильно пытаться контролировать

участников... Здесь у игроков была свободная воля; они контролировали свою собственную судьбу и окружающее пространство. Марионетки порвали веревки и завладели своим миром» [9, с. 162].

Непредсказуемое демиургами поведение может касаться как частных аспектов игры, например, возможности воспользоваться результатами чужого боя, спрятаться в защищенном месте и иметь преимущества при нападении (так называемый «кемпинг»), так и более серьезных нарушений. Например, «лазейки», позволяющие создавать и продавать редкие товары, приводят в итоге к росту денежной массы и обесцениванию игровой валюты. Нечто подобное произошло в игре «Eternal Lands», где первые игроки, достигшие высокого уровня навыков, получили возможность быстрого обогащения, в то время как большинство игроков имели очень мало игровых денег. Создатели игры пытались урегулировать ситуацию, добавляя в игру несложные способы зарабатывать (ловлей бобров, добычей угля), но, не добившись серьезного эффекта, вынуждены были договариваться с игроками, объясняя необходимость уничтожения игровых предметов и уменьшение уровня навыков персонажей, однако, как пишет автор игры, «просить их отказаться от своих навыков было также тяжело, как просить Папу Римского отказаться от своей религии» [13].

Помимо использования непредполагаемых автором возможностей в игре, игроки нарушают ее правила, прибегая к изменению в построении игры. Не довольствуясь ролью персонажа, ограниченного авторскими рамками, многие игроки применяют программные средства, макросы, специальное оборудование, чтобы нарушить правила, например, получить особые возможности: проходить или видеть сквозь стены, летать, стрелять всегда в цель, быть бессмертным и т. п. Конечно, приобретение таких свойств может считаться обманом, однако согласуется с основной целью существования в виртуальном мире – исполнением несбыточного. Зачем нужна игра, если в ней, как и в обычном мире, есть «нельзя», и приходится достигать желаемого долгим и кропотливым путем?

Правила упорядочивают игру и придают ей смысл. Игра не состоится, если один из игроков намерен играть в покер, а другой в теннис. Однако даже если речь идет всего лишь о желании иметь в игре выигрышную позицию, оказывается, что нарушение правил, создаваемых демиургами виртуальных миров, может быть простительно только в играх для одного. Как только игрок оказывается в многопользовательской игре, нарушение правил приносит урон игрокам, действующим честно. Интересно, что, согласно исследованию В. Чен и Дж. Онг, нарушение установленных создателем игры правил обычно становится нормой, если оно используется в игре уже длительное время [см.: 8, с. 279].

Б. Боуер назвал мошенничество («cheating») «преимущественным искажением воспринимаемой реальности в собственных интересах. Преимущество получает обманщик, потому что обманутый человек неправильно понимает, что считается реальным миром» [7]. Поэтому игроки пытаются бороться с нечестными противниками собственными методами,

устанавливая нормы и санкции, прежде всего, публикуя списки «читеров» на игровых форумах и обращаясь с жалобами к игровой администрации. Иногда создатели позволяют игрокам решать самим голосованием, кто будет отключен от игры за обман (например, в дополнении к игре «Hatless»).

Санкции против игроков могут быть различны: от обнуления или уменьшения заработанных «очков», блокирования допуска к таблице рекордов или отсутствия возможности сохранения до временной или постоянной блокировки аккаунта игрока, то есть уничтожения виртуального персонажа, что является высшей мерой наказания в виртуальном мире. Так, в Космических Рейнджерах игроки, вместо места в общей таблице достижений, появляются в особом списке «читеров», в «Sporge» при использовании чит-кодов даётся награда «Шулер», блокирующая доступ к другим наградам, в «Tyrian» появляется сообщение «Читеры всегда процветают» внизу таблицы с очками, в «Metal Fatigue» сообщение «(Имя игрока) обманывает, как грязная крыса!». Однако особенности виртуальной реальности позволяет неограниченно создавать новых персонажей, поэтому фактически речь идет об уничтожении не самого игрока, а только всех имеющихся у него достижений и бонусов, заработанных в данной виртуальном мире. Иногда разработчики пытаются заблокировать игрока навсегда, вычисляя его на основе идентификатора оборудования или IP-адреса, что, конечно, не является универсальным средством идентификации. Создаются специальные игровые сообщества для игр исключительно по правилам – «E-Sports Entertainment Association League» (ESEA) и «Face-It», – где постоянно отслеживаются нарушения и блокируются обманщики. Юридические последствия обмана в играх существуют только в Южной Корее.

Ситуация стала еще сложнее, когда виртуальная валюта стала конвертироваться в реальные деньги, несмотря на то, что в большинстве виртуальных миров это прямо запрещается создателями. Мошенничество, связанное с присвоением аккаунтов, виртуальных объектов, имеющих стоимость в реальной экономике, делает виртуальную жизнь объектом рассмотрения судебными органами. С появлением теорий «общества знания» прослеживаются тенденции изменения роли человека в общественной среде и происходит трансформация роли самого государства и общественных организаций [см.: 5, с. 489]. Однако распространение законодательных норм на виртуальные миры крайне проблематично. Например, виртуальное воровство в играх крайне распространено. Даже детские игры содержат элементы присвоения чужого. Можно взять для примера популярную во всем мире игру «Talking Tom Gold Run», где протагонист забирает себе золото, отбираемое у грабителя. В многопользовательских играх также могут присутствовать игроки, главный навык которых – воровать. Так, в многопользовательской игре «Ultima Online» воровство разрешено, а продажа виртуальных объектов за реальные деньги запрещена, однако купивший виртуальный объект и обворованный является лицом, понесшим реальный экономический ущерб.

Основной проблемой при создании виртуального права является невозможность признать виртуальный мир ни реальным, чтобы взыскивать

ущерб, сообразуясь с устоявшимися практиками, ни «ненастоящим» игровым, чтобы полностью отказаться от его регулирования. Тем не менее, можно отметить, что в восточных странах наблюдается тенденция «легализации виртуальности». Наиболее продвинутой страной в этом отношении является Южная Корея, где с 2003 года полицией расследуются виртуальные преступления, большая часть которых касается краж игровых объектов либо аккаунтов. В Тайване в 2011 году введена классификация виртуальных объектов как собственности в правовом смысле. В Нидерландах имело место рассмотрение виртуальной кражи, где защита апеллировала к иллюзорности виртуальных объектов, однако Верховный суд в 2012 году подтвердил невозможность такой трактовки и вынес приговор за виртуальную кражу.

В России, напротив, можно наблюдать тенденцию признания виртуальных миров юридически «нереальными». Так, В. В. Архипов приводит примеры определений суда, где истцам отказывалось в судебной защите в связи с тем, что «наличие либо отсутствие в действиях пользователя нарушений правил игры относятся к организации игрового процесса» [1].

В США существует промежуточная позиция, по крайней мере, для так называемых «закрытых миров» (где подавляющее большинство виртуальных объектов создано авторами игры, и всё имеющееся в игре принадлежит им), предполагающая, что разрешенные лицензионным соглашением действия в игре не могут подвергаться разбирательству находящимися все игры [см.: 2, с. 125]. Более сложная ситуация с «открытыми мирами», где может не быть конкретной игровой цели, а игроки занимаются разнообразной деятельностью, подразумевающей интеллектуальное творчество.

Еще одним интересным аспектом являются взаимоотношения личности и аватара в игре. К. Даймант отмечает, что аватар – это образ, который не является ни фактом, ни вымыслом, а взаимодействует с людьми на разных эволюционных и онтологических уровнях, будучи лишенным тела [см.: 10, с. 220]. А. Д. Мельник и В. Мельник предлагают считать игрока «киборгом, а также носителем субъект-субъектного отношения, гибрида между игроком реального мира, его внутриигровой личностью и программной оболочкой» [11, с. 168]. Для переноса расследования нарушений из виртуального мира в реальный нужно иметь возможность проследить эту связку, определить, кто стоит за аватаром. Поэтому в Китае, где активно разрабатывается виртуальное право как часть программы по построению индустрии продажи виртуальной собственности, с 2017 года при регистрации в игре необходимо указывать настоящее имя и реальные данные с удостоверений личности.

Связка человек-аватар может нарушаться для получения большего игрового капитала и/или способностей. Игрок может передавать свой аккаунт другому. Это может быть более профессиональный игрок, или, наоборот, кто-то, выполняющий рутинную неинтересную работу в игре, искусственный интеллект (бот) или наемный человек. Приблизительно 80 % всех нанятых для работы в играх находятся в Китае, в стране насчитывается 100 000 человек, занятых этим на постоянной основе полный рабочий день [см.: 16].

Закономерно, что такие действия рассматриваются как обман, что оговорено во многих пользовательских соглашениях.

Правила могут касаться и игрового взаимодействия, в котором уже сложились социальные нормы поведения. Например, в игре «World of Tanks» запрещается нападать на членов своей команды, проводить договорные бои, выходить из игры до окончания боя или бездействовать.

Виртуальные миры обладают специфической формой реальности, не позволяющей распространять на нее нормы поведения обыденной реальности. Их привлекательность и состоит прежде всего в том, что там «возможно невозможное». Однако законы поведения существуют и в игровых мирах. Они задаются демиургами и поддерживаются с помощью административных санкций, варьирующихся от исключения обманщиков из рейтинговых списков до блокировки аккаунтов. Включение виртуальных миров в реальную экономическую систему вызвало всплеск мошенничества, связанного с присвоением виртуальной собственности, и, соответственно, обращения в судебные инстанции. От трактовки сути виртуальной реальности будет зависеть принятие судебных решений и мера юридического контроля за поведением игроков в виртуальных мирах.

Список литературы

1. Архипов В. В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. – 2014. – №9. – С. 69–90.
2. Дюранске Б. Т., Кейн Ш. Ф. Виртуальные миры, реальные проблемы / пер. В. В. Архипова // Правоведение. – 2013. – № 2. – С. 115–134.
3. Евсеева Л. И., Евсеев В. В. Проблема социальной адаптации человека в новых коммуникативных средах // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 20–30.
4. Шипунова О. Д., Березовская И. П., Гашкова Е. М. Условия формирования личности в контексте киберантропологии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 57–64. DOI: 10.18721/JHSS.8306.
5. Шипунова О. Д., Евсеева Л. И. Тренды политического участия в сетевом обществе // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения: сборник материалов Международной научной конференции, 13–14 апреля 2018 года. – СПб.: СПбПУ, 2018. – С. 488–491.
6. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City, New York: Anchor Books, 1966. – 219 p.
7. Bowyer B. Cheating: Deception in War & Magic, Games & Sports, Sex & Religion, Business & Con Games, Politics & Espionage, Art & Science. New York: St. Martin's Press, 1982. – 439 p.

8. Chen V. H. H., Ong J. The Rationalization Process of Online Game Cheating Behaviors // *Information, Communication & Society*. – 21:2. – 2018. – pp. 273–287. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1271898.
9. Consalvo M. *Cheating: Gaining Advantage in Videogames*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2007. – 240 p.
10. Diamant C. Archiva(b)l(e) Bodies and Cyber Afterlife in David Mitchell's *Cloud Atlas* // *Caietele Echinox*. – 2018: *Posthumanist Configurations*. – Vol. 34. – pp. 218–228. DOI: 10.24193/cechinox.2018.34.17.
11. Melnic D., Melnic V. Shortcut to Posthumanism: Decentring Elements of the Gaming Experience // *Caietele Echinox*. – 2018: *Posthumanist Configurations*. – Vol. 34. – pp. 167–179. DOI: 10.24193/cechinox.2018.34.13.
12. Parlett D. *The Oxford History of Board Games*. Oxford, England: Oxford University Press, 1999. – 400 p.
13. Privantu R. *Eternal Lands' MMORPG Postmortem: Mistakes and Lessons, Part II* // *DevMaster.net – Your Source for Game Development*. Available at: <http://www.devmaster.net/articles/mmorpg-postmortem/part2.php> (accessed: 28.03.2013).
14. Šisler V. Palestine in Pixels: The Holy Land, Arab-Israeli Conflict, and Reality Construction in Video Games // *Middle East Journal of Culture & Communication*. – 2009. – № 2. – pp. 275–292. DOI: 10.1163/187398509x12476683126509.
15. Stenros J. The Game Definition Game: A Review // *Games and Culture*. – 2016. – Vol. 12 – Issue 6. – pp. 499–520. DOI: 10.1177/1555412016655679.
16. Vincent D. In Beijing China Used Prisoners in Lucrative Internet Gaming Work // *The Guardian*. – 2011. – 25 May. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2011/may/25/china-prisoners-internet-gaming-scam> (accessed 20.11.2018).
17. Von Neumann J., Morgenstern O. *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1944. – 776 p.

References

1. Arhipov V. V. Virtual Property: Systemic Legal Problems in the Context of the Development of the Computer Games Industry [Virtualnaya sobstvennost: sistemnye pravovye problemy v kontekste razvitiya industrii kompyuternykh igr]. *Zakon (Law)*, 2014, № 9, pp. 69–90.
2. Duranske B. T., Kane S. F. Virtual Worlds, Real World Issues [Virtualnye miry, realnye problemy]. *Pravovedenie (Jurisprudence)*, 2013, № 2, pp. 115–134.
3. Evseeva L. I., Evseev V. V. The Problem of Social Adaptation of Man in New Communicative Environments [Problema sotsialnoy adaptatsii cheloveka v novykh kommunikativnykh sredakh]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obschestvennye nauki (St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences)*, 2017, Vol. 8, № 2, pp. 20–30.
4. Shipunova O. D., Berezovskaya I. P., Gashkova E. M. The Conditions of Personality Formation in the Context of Cyber-Anthropology [Usloviya

formirovaniya lichnosti v kontekste kiberantropologii]. *Nauchno-tekhicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obschestvennye nauki* (St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences), 2017, Vol. 8, № 3, pp. 57–64. DOI: 10.18721/JHSS.8306.

5. Shipunova O. D., Evseeva L. I. Trends of Political Participation in a Networked Society [Trendy politicheskogo uchastiya v setevom obschestve]. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya: realii i sovremennye vyzovy. X yubileynye Cankt-Peterburgskie sotsiologicheskie chteniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 13–14 aprelya 2018 goda* (The Fourth Industrial Revolution: Realities and Modern Challenges. The 10-th Anniversary St. Petersburg Sociological Readings: Collected Articles, 13–14 April 2018). Saint Petersburg, SPbPU, 2018, pp. 488–491.

6. Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City (New York), Anchor Books, 1966, 219 p.

7. Bowyer B. *Cheating: Deception in War & Magic, Games & Sports, Sex & Religion, Business & Con Games, Politics & Espionage, Art & Science*. New York, St. Martin's Press, 1982, 439 p.

8. Chen V. H. H., Ong J. The Rationalization Process of Online Game Cheating Behaviors. *Information, Communication & Society*, 21:2, 2018, pp. 273–287. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1271898.

9. Consalvo M. *Cheating: Gaining Advantage in Videogames*. Cambridge (Massachusetts), The MIT Press, 2007, 240 p.

10. Diamant C. Archiva(b)l(e) Bodies and Cyber Afterlife in David Mitchell's Cloud Atlas. *Caietele Echinox*, 2018: Posthumanist Configurations, Vol. 34, pp. 218–228. DOI: 10.24193/cechinox.2018.34.17.

11. Melnic D., Melnic V. Shortcut to Posthumanism: Decentring Elements of the Gaming Experience. *Caietele Echinox*, 2018: Posthumanist Configurations, Vol. 34, pp. 167–179. DOI: 10.24193/cechinox.2018.34.13.

12. Parlett D. *The Oxford History of Board Games*. Oxford (England), Oxford University Press, 1999, 400 p.

13. Privantu R. *Eternal Lands' MMORPG Postmortem: Mistakes and Lessons, Part II*. Available at: <http://www.devmaster.net/articles/mmorpg-postmortem/part2.php> (accessed: 28.03.2013).

14. Šisler V. Palestine in Pixels: The Holy Land, Arab-Israeli Conflict, and Reality Construction in Video Games. *Middle East Journal of Culture & Communication*, 2009, № 2, pp. 275–292. DOI: 10.1163/187398509x12476683126509.

15. Stenros J. The Game Definition Game: A Review. *Games and Culture*, 2016, Vol. 12, Issue 6, pp. 499–520. DOI: 10.1177/1555412016655679.

16. Vincent D. In Beijing China Used Prisoners in Lucrative Internet Gaming Work. *The Guardian*, 2011, 25 May. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2011/may/25/china-prisoners-internet-gaming-scam> (accessed 20.11.2018).

17. Von Neumann J., Morgenstern O. *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton (New Jersey), Princeton University Press, 1944, 776 p.

УДК: 502.1

Роль информации в формировании и развитии экологической культуры населения*

Васильева Вера Николаевна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», кафедра философии, социальных наук и права социального обеспечения, доктор социологических наук, профессор, Мурманск, Россия.

E-mail: Vasilevavn99@mail.ru

ул. Капитана Егорова, д. 15, Мурманск, 183038, Россия,
тел.: 8-902-13-77-342.

Лобченко Людмила Николаевна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», кафедра теории государства и права, кандидат исторических наук, доцент, Мурманск, Россия.

E-mail: l.lobchenko@mail.ru

ул. Капитана Егорова, д. 15, Мурманск, 183038, Россия,
тел.: 8-952-29-01-985.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Развитие промышленного производства и хозяйствования по экстенсивному пути в XX веке стало причиной возникновения современного экологического кризиса. Данный процесс сопровождается прогнозируемым на ближайшие 100–150 лет истощением традиционных естественных энергетических ресурсов. Наряду с проблемами энергообеспечения появились масштабные нарушения экологических систем. Хотя биосфера обладает способностью к самовосстановлению, человек должен, во-первых, знать действительные пределы естественного биосферного равновесия и, во-вторых, владеть информацией о реально достигнутых показателях изменения окружающей среды. Данные мониторинга окружающей природной среды уже сегодня используются для обеспечения системы управления природоохранной деятельностью своевременной и достоверной информацией. Не меньшее значение для влияния на экологическую ситуацию с целью ее оздоровления наряду с единой государственной системой экологического мониторинга имеет деятельность СМИ, освещающих экологические проблемы и формирующих отношение населения к ним.

Результаты: Современные средства массовой информации играют значительную роль в распространении экологических знаний среди населения. Предоставляемая СМИ экологическая информация, будучи доступной для широкой аудитории, служит природоохранным интересам общества. Цель экологической пропаганды в СМИ – это не только информирование о существовании экологических проблем, но и содействие повышению

* © В. Н. Васильева, Л. Н. Лобченко, 2018

экологической грамотности, экологической культуры и экологической активности своей аудитории. Недостатки в освещении антропогенных воздействий на природу были исследованы авторами данной статьи посредством контент-анализа 70 публикаций СМИ по экологической проблематике. К таким недостаткам можно отнести, прежде всего, замалчивание ряда вопросов из-за их якобы недостаточной важности, игнорирование проблем регионального уровня, популистский характер подачи материала ради привлечения внимания к печатному изданию, слабый интерес СМИ к геолого-геоморфологическим проблемам.

Выводы: Просчеты СМИ в экологическом информировании становятся весомой причиной сохранения благодушного отношения к экологическим проблемам, выявляемым в процессе наблюдения и измерения метеорологических, фенологических, сейсмологических и некоторых других параметров окружающей природной среды. Не преодолев недостатки в информировании населения, невозможно сформировать у представителей различных социальных групп российского общества должный уровень экологической культуры, предполагающий наличие позитивно-активных природоохранных установок у всех членов социума.

Ключевые слова: техногенное общество; мониторинг окружающей среды; информация об экологической обстановке; экологическая пропаганда; экологическое информирование; экологическая грамотность населения; экологическая культура населения.

The Role of Information in the Development of the Environmental Culture of the Public

Vasilyeva Vera Nikolaevna – Murmansk Arctic State University, Department of Philosophy, Social Sciences and Social Welfare Law, Doctor of Sociology, Professor, Murmansk, Russia.

E-mail: Vasilevavn99@mail.ru

15 Captain Egorov st., Murmansk, 183038, Russia,

tel.: 8-902-13-77-342.

Lobchenko Lyudmila Nikolaevna – Murmansk Arctic State University, Department of Theory of State and Law, Ph. D. (History), Associate Professor, Murmansk, Russia.

E-mail: l.lobchenko@mail.ru

15 Captain Egorov st., Murmansk, 183038, Russia,

tel.: 8-952-29-01-985.

Abstract

Background: The development of extensive industrial production and management in the 20th century resulted in the current environmental crisis. This process leads to the depletion of conventional energy resources foreseeable in the next 100–150 years. Apart from energy supply issues, a massive disruption of

ecosystems has occurred. Although the biosphere is capable of recovering by itself, people, first, should know the actual limits of the natural biosphere equilibrium and, second, have information about actually occurring changes in the environment. Environmental monitoring data are being used today to provide the environmental management system with timely and reliable information. Wide media coverage of environmental issues, which encourages positive public attitudes towards them, is no less important than a national environmental monitoring system for influencing the environmental situation with the goal of improving it.

Results: The contemporary media play a significant part in the environmental awareness of the public. The environmental information provided by the media, being accessible to a wide audience, serves the environmental interests of society. The goal of environmental propaganda in the media is not only to inform about the existence of environmental issues, but also to promote environmental awareness, environmental culture and environmental activity of its audience. The authors have studied shortcomings in the coverage of anthropogenic impacts on nature making a content analysis of 70 media publications on environmental issues. These shortcomings include concealing a number of issues, which are considered to be not very important, ignoring regional problems, the populist character of data presentation in order to draw attention to the print media, the lack of interest in geological and geomorphological aspects.

Conclusion: Media failure in environmental coverage contributes to maintaining an ambivalent attitude towards environmental problems revealed during meteorological, phenological, seismic monitoring of the environment. Without overcoming the faults in informing the public, it is impossible to form among the representatives of various social groups of Russian society the proper level of environmental culture, which implies the presence of positively active environmental guidelines among all society members.

Keywords: technogenic society; environmental quality monitoring; environmental information; environmental propaganda; public environmental awareness; environmental culture of the public.

Нынешнее состояние общества не случайно характеризуют как эпоху техногенной цивилизации. Будущее такой цивилизации вызывает справедливые опасения многих специалистов, поскольку вероятность неблагоприятной перспективы усиливается, прежде всего, из-за непредсказуемости развития кризисных явлений, сохраняющегося доминирования прагматических установок, пренебрежения к состоянию природной среды.

Расширение и развитие промышленного производства и хозяйствования по экстенсивному пути в XX веке создало условия для развития современного экологического кризиса редуцентов (кризиса загрязнений). Материальные и энергетические загрязнения в биосфере достигли предельного уровня. В нарастающих масштабах нарушается баланс естественных экосистем, и редуценты уже не успевают «очищать» биосферу от загрязнений. Данный процесс сопровождается прогнозируемым на ближайшие 100–150 лет

исчерпанием традиционных естественных энергетических ресурсов. Такая перспектива стала результатом того, что «окружающий мир, целостный и самодостаточный, был низведен до дискретных ресурсов, извлекаемых по отдельности» [8, с. 17].

По прогнозным оценкам специалистов, уже в первые два-три десятилетия XXI века человеческое общество будет испытывать острый недостаток в энергетических ресурсах. Создание и развитие новых источников энергии (гелиоэнергетика, геотермальная, ветровая энергетика, биоэнергетика и др.) в настоящее время находится в начальной стадии. Их доля в выработке энергии менее одного процента. Эти негативные явления уже сегодня послужили основанием для прогнозирования в ближайшее время возникновения нового глобального кризиса – термодинамического (теплого). Выход из этого кризиса может быть осуществлен только в результате более широкого использования альтернативных источников энергии (возобновляемых, или ресурсы которых неисчерпаемы), т. е. в энергетической революции.

Наряду с проблемами энергообеспечения, человеческое общество создало цивилизацию, техногенная деятельность которой привела к масштабному нарушению экологических систем, для восстановления которых потенциал биосферы оказывается недостаточным. Как справедливо указывает Е. О. Новожилова, «итогом... технических успехов стало создание средств, способных разрушить все живое» [9, с. 28]. И этот процесс продолжает развиваться. Прогнозируемым следствием интенсивного нарушения биосферы является глобальный кризис надежности экологических систем. Выход из него возможен на основе радикальной перестройки отношения человека к окружающей природной среде, то есть в революции экологического планирования, которое является необходимой составляющей организации управления развитием социоприродной среды. Это означает, что человек должен целенаправленно, планомерно и организованно выстраивать свои отношения с биосферой так, чтобы не было процессов деградации, а развитие было устойчивым, эволюционным.

Будущее человечества приобретает постоянно увеличивающуюся зависимость от возможностей и способностей людей скоординировать характер и масштабы природопользования с воспроизводящими и самовосстановительными способностями биосферы. Сложность решения этой задачи, ориентированной на рационализацию природопользования, обусловлена тем, что решать её приходится в условиях прогрессирующего использования природной среды. Рационализация природопользования предполагает не только охрану природы, но и изменение в соответствии с общечеловеческими интересами и потребностями принципов и методов потребления природных богатств с целью устранения возможностей негативного воздействия на среду.

Итак, масштабы современного производства, связанные с постоянным расширением осваиваемой природной среды и увеличением антропогенного воздействия на эту среду, выявили первоочередную необходимость организации управления процессами взаимодействия общества и природы.

Основой управления социоприродным взаимодействием должна стать как контрольно-учетная деятельность в рамках отдельных регионов, так и Земли с ее космическим окружением в целом. Хотя биосфера обладает гибкостью и пластичностью благодаря наличию компенсирующих механизмов, которые уравнивают возможное отрицательное влияние природопреобразующей деятельности, человек должен, во-первых, знать действительные пределы естественного биосферного равновесия, чтобы не допускать нежелательных необратимых изменений в компонентах биосферы и, во-вторых, владеть информацией о реально достигнутых показателях изменения окружающей среды.

Информация о состоянии окружающей природной среды и изменениях этого состояния широко и достаточно давно используется человеком в целях оптимизации своей деятельности. Это, в частности, подтверждается применением результатов метеорологических, фенологических, сейсмологических и некоторых других видов наблюдений и измерений состояния окружающей среды, которые на протяжении последних столетий стали регулярными во всем цивилизованном мире. В результате спектр наблюдений за социоприродной динамикой становится все более обширным, число измеряемых параметров постоянно увеличивается, сеть наблюдательных станций становится все гуще. Однако сложность проблем, связанных с мониторингом окружающей среды, при этом не уменьшается.

Термин «мониторинг» впервые появился в рекомендациях специальной комиссии СКОПЕ (научный комитет по проблемам окружающей среды) при ЮНЕСКО в 1971 году, а в 1972 году на Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде были сформулированы первые предложения по созданию Глобальной системы мониторинга окружающей среды. Несмотря на насущную необходимость системы глобального мониторинга, создание таковой все еще откладывается на неопределенное время из-за разногласий в объемах, формах и объектах мониторинга, а также распределения обязанностей между уже существующими системами наблюдений. Вследствие этого в нашей стране, как и в других странах, каждая отрасль экономики вынуждена создавать свою локальную систему мониторинга. Некоторые специалисты считают, что «для обеспечения эффективного, безопасного и экологически приемлемого природопользования» при разработке месторождений природных ископаемых, оказывающих воздействие на геологическую среду российского сектора Арктики, уже сегодня используется «...многоуровневая система мониторинга геологической среды и нефтегазовых комплексов» [5, с. 336].

Под мониторингом окружающей среды понимают регулярные наблюдения природных сред, природных ресурсов, растительного и животного мира, позволяющие как измерить их состояния, так и выявить изменения, происходящие в них под влиянием антропогенной деятельности. Так, в частности, к экологическому мониторингу можно отнести «разработку и использование карт чувствительности / уязвимости прибрежно-морских зон от нефти, которые необходимы для инженерно-экологических изысканий» [6, с. 343], а также для планирования операций по ликвидации последствий

разливов нефти, которые неизбежны при транспортировке нефти и в связи с ростом нефтедобычи на арктическом шельфе.

В систему мониторинга окружающей среды наряду с обследованием объекта наблюдения включаются такие процедуры, как прогнозирование изменения состояния наблюдаемого объекта и представление информации в удобной для пользователя форме. Основная цель экологического мониторинга состоит в обеспечении системы управления природоохранной деятельностью и экологической безопасностью своевременной и достоверной информацией, что способствует реализации более конкретных целей:

- оценить показатели состояния экосистем и среды обитания человека;
- выявить причины изменения этих показателей и оценить последствия таких изменений;
- определить возможность реализации корректирующих мер в тех случаях, когда целевые показатели экологических условий не достигаются;
- создать предпосылки для определения мер по исправлению возникающих негативных ситуаций до того, как будет нанесен ущерб.

Достижению выше обозначенных целей экологического мониторинга будет способствовать решение следующих задач:

- наблюдение за источниками антропогенного воздействия;
- наблюдение за факторами антропогенного воздействия;
- наблюдение за состоянием природной среды и происходящими в ней процессами, порождаемыми влиянием антропогенных факторов;
- оценка фактического состояния природной среды;
- прогноз изменений в природной среде под влиянием антропогенных факторов и оценка прогнозируемого состояния природной среды.

Таким образом, реализация целей и решение задач экологического мониторинга обеспечивает:

- возможность получения оценок жизнепригодности среды обитания для человека и других биологических объектов (растений, животных, микроорганизмов и т. д.), а также состояния и функциональной ценности экосистем;
- возможность разработки корректирующих воздействий в тех случаях, когда целевые показатели экологических условий не достигаются.

На территории Российской Федерации функционирует Единая государственная система экологического мониторинга (ЕГСЭМ), которая предусматривает не только контроль состояния окружающей среды и здоровья населения, но и возможность активного воздействия на ситуацию. По мнению Г. Г. Гогоберидзе, «совершенствование информационной базы и применение интеллектуальных информационных технологий для обработки информации» является «важным этапом развития управления природопользованием» [2, с. 331].

Не меньшее значение для влияния на экологическую ситуацию с целью ее оздоровления наряду с единой государственной системой экологического мониторинга имеет деятельность СМИ, освещающих экологические проблемы и формирующих отношение населения к ним.

Современные средства массовой информации – это проводник общепринятой культуры в обществе. В силу специфики их распространения они оказывают воздействие на массовое сознание людей, выступая основным институтом по формированию общественного мнения.

Современные средства массовой информации также играют значительную роль в распространении экологических знаний среди населения. Вместе с тем следует отметить, что зачастую экологи и организации, занимающиеся анализом и решением экологических проблем, недооценивают роль средств массовой информации в обсуждении вопросов природоохранной деятельности, а в СМИ уделяется недостаточное внимание проблемам экологии.

Следует отметить, что наиболее действенным средством формирования общественного мнения является пресса. Периодическая печать имеет ряд достоинств по сравнению с другими средствами массовой пропаганды и информации: оперативность, авторитет, разнообразие, полнота освещения тематики, всесторонность и глубина анализа проблем, возможность выбора места, времени и скорости чтения, массовость, доступность. С помощью прессы информация может быть направлена на конкретную аудиторию, например, на жителей определенного района, и подана не только в текстовом виде, но и посредством фотографий, рисунков, что облегчает ее усвоение и усиливает впечатление от нее.

Экологическая журналистика является важным направлением информационной деятельности средств массовой информации во всем мире. Рост общественного интереса к вопросам охраны окружающей среды делает экологические проблемы темой для передовиц в прессе, экстренных сообщений на радио и телевидении, постоянным предметом сетевых форумов. Предоставляемая СМИ информация, которая не только прямо, но и косвенно затрагивает экологические проблемы, будучи доступной для широкой аудитории, служит природоохранным интересам общества.

Однако, по мнению ряда исследователей, «из-за страха перед рекламодателями и чиновниками, газеты зачастую избегают экологической темы, а если, в конце концов, и пишут о чем-то, так это о вопиющих нарушениях, о которых уже просто невозможно молчать» [12, с. 92].

А ведь пресса, осуществляющая экологическую пропаганду при посредстве вербального материально-закрепленного текста, обращаясь к сознанию читателя, заставляет его задуматься о значении природы для жизни людей. Она позволяет, возвращаясь к тексту, вдумчиво изучать, накапливать и систематизировать материалы с экологической тематикой. Это обеспечивает большую включенность, запоминаемость экологической информации, что позволяет экологическим материалам формировать у читателей периодической печати ценностные структуры экологического сознания достаточно высокого уровня обобщения, предоставляя им возможность более сознательно, активно, целенаправленно осваивать экологические ценности и осмысливать существующие экологические проблемы.

Например, публикация Н. Петровской в газете «Североморские вести» [см.: 10, с. 6] затрагивает тему будущего атомной энергетики, которая была

предметом обсуждения участников семинара по экологическим проблемам. И хотя с момента проведения этого семинара прошло достаточно много времени, по-прежнему сохраняется парадоксальная ситуация: если Бельгия, Германия, Швеция, Австрия и Италия постепенно выводят из строя действующие атомные реакторы, то в России имеют место случаи продления сроков их работы [см.: 11].

Не меньшую тревогу общественности вызывает ситуация с ОЯТ (отработанным ядерным топливом ледоколов), хотя следует признать, что благодаря финансовой помощи стран-доноров наметились позитивные сдвиги в решении этой проблемы: на побережьях Баренцева, Белого и Карского морей демонтированы 180 РИТЭГов (радиоизотопных термоэлектрических генераторов) [см.: 4, с. 42], которые были потенциально опасными радиационными объектами.

Еще одна наболевшая тема, связанная с утилизацией бытовых отходов, поднималась в статье О. Меньшиковой «На дне мусорного контейнера поблескивает золото», опубликованной «Мурманским вестником» [см.: 7, с. 2]. Следует признать, что для жителей Мурманской области, достаточно часто посещающих Норвегию и Финляндию, где эффективно решается проблема сортировки, утилизации и переработки отходов [см.: 13; 14; 15], данная проблема по-прежнему не утрачивает своей актуальности.

Благодаря освещению экологических проблем в средствах массовой информации в сознание людей постепенно внедряется понятие экологической безопасности, являющееся фундаментальным основанием развития позитивно-активных природоохранных ориентаций у населения. Таким образом, цель экологической пропаганды в СМИ – это не только информирование о существовании экологических проблем, но и содействие повышению экологической грамотности, экологической культуры и экологической активности своей аудитории.

Самым действенным средством влияния на сознание социума, безусловно, остается телевидение. В отличие от других СМИ, телевидение не только информирует о том, что происходит в мире, но и дает изображение происходящего, создавая иллюзию непосредственного присутствия зрителей на месте событий. Такой эффект мнимого присутствия возникает независимо от того, «живая» ли передача выходит в эфир или же она транслируется в записи.

Все многообразие передаваемой по телевидению информации концентрируется в новостях, которые по праву именуют «лицом мира» и «лицом телевидения». Анализ содержания новостей выступает как анализ «живого организма», имеющего свой жизненный ритм и развивающегося по определенным законам. Сообщение, попадающее на телевизионную студию, превращается в новость, и с этого момента начинается его временной отсчет. Обладая таким свойством, как непосредственность, которое проявляется как во временном, так и в пространственном измерении, теленовости освещают последние события, превращая реальность, данную наблюдателю непосредственно, в телереальность. Кадры видеоматериала дополняют комментарии телеведущего или корреспондента. Содержание

коммуникативного акта передается в тех формулировках, с которыми отдельные лица, представляющие различные общественные институты, обращаются к разным сегментам аудитории. С целью формирования ее представлений о действительности используется ряд аудиовизуальных фрагментов (интервью, репортажи и т. п.). Поэтому роль телевидения в современном обществе весьма значима.

Благодаря телевидению в глобальное информационное пространство включена большая часть населения, для которого оно является основным средством конструирования социальной реальности. Влияя на массовое сознание, телевидение, наряду с другими средствами массовой коммуникации, формирует общественное мнение. Однако, к сожалению, за последние годы телепередачи, посвященные экологическому воспитанию, отодвинулись на второй план. Самое востребованное время эфира занимают передачи, посвященные политике, различные ток-шоу развлекательного характера, телесериалы и американские боевики, а об экологической проблематике говорят в основном в выпусках новостей, где показывают зоны экологических бедствий.

А ведь людям нужна, в первую очередь, позитивная информация, дающая надежду на выход из экологического кризиса, утверждающая право и способность каждого человека повлиять на ускорение этого процесса. Отсутствие экологического позитива на экранах телевизоров – это очень серьезный недостаток. Также следует отметить, что вопросы, касающиеся гуманного отношения к природе, освещаются недостаточно.

Телевидение могло бы вполне успешно выполнять эту пропагандистскую задачу, разработав интеллектуальные передачи на экологические темы. Возможность реализации этой задачи демонстрирует деятельность телерадиокомпании «Катунь», организованной Алтайским отделением Социально-экологического Союза. Компания имеет в местном эфире около шести часов еженедельного вещания и пользуется популярностью. В Новороссийске также успешно работает экологическая телекомпания «Акватория», которая имеет время на местном телевидении.

Наряду с традиционными каналами СМИ в современных условиях весьма популярным каналом получения информации становится Интернет. Интернет, будучи одним из самых распространенных современных средств коммуникации, приобрел особую популярность в молодежной среде, черпающей разного рода информацию в сетях. Поэтому наряду с многочисленными Интернет-изданиями в сети появились и версии традиционных СМИ. Специалисты отмечают стремительное развитие сетевой журналистики.

В Интернет-аудитории востребованы материалы различных информагентств, как традиционных (ИТАР-ТАСС, Интерфакс, РИА «Новости» и др. имеют свои серверы), так и сетевых (Национальная служба новостей (НСН) и др.). Пока сетевые издания в основном отдают предпочтение новостям, но и аналитические материалы все шире представлены в сети. Та же Национальная Служба Новостей регулярно выпускает тематические сборники

на профессиональном уровне. Специалисты зафиксировали, что одной из первых в Интернете «прописалась» экологическая тематика, представленная в основном «зелеными» изданиями, проявляющими особую активность в сети. Таким образом, сегодня Интернет выступает в роли оперативного источника информации. Именно в Интернете можно найти огромное количество информации, посвященной экологической проблематике. Следовательно, Интернет оказывает существенное влияние на развитие ценностных экологических ориентаций различных категорий населения, в первую очередь, молодежи, предоставляя возможность получения экологической информации.

В рамках проекта ТАСИС «Содействие экологической информированности и общественной осведомленности населения» проводилось исследование роли средств массовой информации в формировании экологического сознания. Проведенное исследование показало, что потребность общества в массовой экологической информации чрезвычайно высока. Анкетирование 69 организаций, среди которых были учебные заведения, эколого-туристические и другие общественные организации, государственные структуры, СМИ позволило составить своеобразную иерархию источников информации по экологическим проблемам. На первом месте – периодические издания, лидирующие с большим отрывом (43 % опрошенных назвали их в качестве наиболее доступного источника), далее в порядке убывания – телевидение, личные контакты организации и учреждения, радио [см.: 3, с. 45–49].

Как видим, средства массовой информации являются самым мощным фактором экологического информирования и распространения экологических знаний.

Очевидно, что роль средств массовой информации в современном обществе по-прежнему остается высокой, и, следовательно, должны измениться требования к журналистике и журналистам. Современные технологии (спутниковая связь, электронная почта, Интернет, пейджеры, персональные компьютеры и т. д.) позволяют прессе быть сверхоперативной. Благодаря этому информационное пространство не только расширяется, но и становится, если так можно выразиться, крайне интенсивным, уплотненным; «производители» и «потребители» информации постоянно меняются местами, что особенно характерно для Интернета.

Для выявления роли СМИ в информировании населения и развитии экологической культуры общества решающее значение приобретает анализ содержания СМИ. Особое внимание необходимо уделить печатным СМИ, которые, как выяснилось в ходе исследования, осуществленного в рамках проекта ТАСИС, являются самыми доступными для населения. Однако нельзя забывать, что современные технологии отправляют часть аудитории в глобальную сеть Интернет. Многие печатные статьи приобретают электронную форму и становятся доступными читателю уже в таком виде. Поэтому исследование содержания печатных СМИ на предмет отражения экологической ситуации проводилось на основе статей печатных СМИ и статей этих же изданий в Интернете.

Поскольку системы мониторинга природных сред и экосистем включают в себя наблюдения экологического качества воздушной среды, экологического состояния поверхностных вод и водных экосистем, экологического состояния геологической среды и наземных экосистем, то и для исследования освещения этой информации в СМИ был выделен соответствующий ряд экологических проблем (атмосферная, водная, геолого-геоморфологическая, почвенная, биотическая) [см.: 1].

Эти проблемы в процессе их освещения в СМИ приобретают большую детализацию. Например, атмосферную проблему затрагивают вопросы, связанные с радиологическим, химическим, механическим и тепловым загрязнением.

Водная проблема рассматривается через истощение поверхностных вод, истощение подводных вод, загрязнение поверхностных вод, загрязнение подземных вод, загрязнение морей, океанов.

Геолого-геоморфологическая проблема представлена через нарушение рельефа и нарушение геологического строения.

Почвенная проблема состоит из проблем опустынивания, эрозии, вторичного засоления, заболачивания, загрязнения почвы отходами производства, иссушения земель, снижения плодородия почвы.

Биотические проблемы представлены проблемами деградации лесов, пастбищной дигрессией, распашкой степей и лугов, вырубкой лесов, лесными пожарами, исчезновением флоры и фауны.

Таким образом, целью социологического исследования «Освещение экологических проблем в СМИ» стал анализ популярных газет, экологическая проблематика в которых представлена в формате как печатных статей, так и электронных изданий. Выбор газет был обусловлен достаточно высоким индексом их цитируемости. Ежедневная газета «Комсомольская правда» по данным агентства «Exlibris» цитируется в других СМИ 39894 раза. Еженедельная газета «Аргументы и факты» цитируется в других СМИ 7139 раз.

Предметом контент-анализа стали 70 статей. Каждая статья анализировалась с точки зрения исследования какой-либо экологической проблемы и наличия негативных последствий воздействия на экологию.

Проведенный анализ позволил констатировать, что журналисты уделяют практически одинаковое внимание всем экологическим проблемам, кроме геолого-геоморфологической проблематики (2 %). Однако это не означает, что проблемы такого типа решены. Эти данные свидетельствуют о том, что события, касающиеся нарушения рельефа и геологического строения, не были сочтены журналистами достаточно значимыми, чтобы привлекать к ним внимание аудитории.

Биотические проблемы были рассмотрены журналистами в 28 % случаев регистрации, водные проблемы – в 26 % случаев, атмосферные и почвенные проблемы рассмотрены в 22 % случаев регистрации.

Анализ отражения в СМИ проблем атмосферы показал, что о её химическом загрязнении журналисты упоминают гораздо чаще (50 %), далее

следуют механические проблемы загрязнения атмосферы (23 %), тепловые загрязнения (19 %) и радиологические загрязнения (8 %).

Радиологические загрязнения, несомненно, – особенно актуальная проблема, однако журналисты как носители коллективной психологии масс более опасаются химических загрязнений атмосферы в связи с тем, что они быстрее воспринимаются с помощью органов чувств (зрение и обоняние). Представленная разница (50 % и 8 %) сигнализирует о необходимости актуализации проблем радиации в сознании аудитории в связи с наличием опасности ухудшения радиологической ситуации.

Водные экологические проблемы представлены наименее остро. Проблема загрязнения поверхностных вод упоминается в 36 % случаев, загрязнение морей и океанов в 27 % случаев, загрязнение подводных вод в 20 % случаев, истощение поверхностных вод в 36 % случаев, истощение подводных вод в 7 % случаев.

Отражение проблем экологии почвы в печатных СМИ связано с присутствием одних проблем и отсутствием других. Так, в равном соотношении случаев (26 %) представлены проблемы эрозии и загрязнения почвы отходами производства, опустынивание и снижение плодородия почв составляет 12 % упоминаний, вторичное засоление и заболачивание – 11 % упоминаний. Тема иссушения земель не была обнаружена ни в одной из семидесяти статей. В отличие от предыдущих категорий анализа, в этой проблеме нашлись пары категорий «эрозия – загрязнение почвы отходами производства», «опустынивание – снижение плодородия почв», «вторичное засоление – заболачивание». Это сигнализирует о специфике указанных проблем, так как каждая из них может являться и причиной, и следствием другой.

Биотические проблемы, отражающие экологическую ситуацию, показаны в печатных СМИ следующим образом. Лесные пожары указаны в 31 % случаев, проблема вырубки лесов указана в 28 % случаев, исчезновение видов флоры – 25 %, исчезновение видов фауны – 13 %, деградация лесов – 3 %, пастбищная дигрессия и распашка степей и лугов – 0 % упоминаний. Следует отметить, что внимание, уделяемое СМИ освещению проблем вырубки и деградации лесов, лесных пожаров, исчезновения видов флоры и фауны, свидетельствует о стремлении поддерживать популистские настроения аудитории, приученной к ярким и зрелищным фактам, к которым не относится пастбищная дигрессия и распашка степей и лугов.

Резюмируя результаты проведенного исследования можно сделать заключение, что лейтмотивом всех статей, освещающих негативные последствия антропогенного воздействия на природу, является вывод: именно человек испытывает на себе негативные последствия своего влияния на окружающую среду. По-видимому, данный подход к освещению экологических проблем в СМИ является следствием сохранения антропоцентристских ориентаций и потребительского отношения к природе, что не благоприятствует перспективам оптимизации природопользования и рационализации социоприродных взаимосвязей на основе организации управления процессами

взаимодействия общества и природы, которое должно осуществляться, как уже говорилось ранее, на основе контрольно-учетной деятельности в рамках как отдельных регионов, так и Земли с ее космическим окружением в целом.

Контент-анализ газетных и электронных статей позволяет сформулировать следующие выводы о характере и направленности экологического информирования населения современными средствами массовой информации.

1. Экологические проблемы, отраженные в печатных СМИ, свидетельствуют о приблизительно равномерном привлечении внимания аудитории к каждой из них. Исключением являются геолого-геоморфологические проблемы.

2. Некоторые экологические проблемы не находят отражения в газетных и электронных публикациях. Их замалчивание может быть объяснено тем, что журналисты не считают их достаточно значимыми.

3. Некоторые экологические проблемы намеренно замалчиваются журналистами, чтобы не привлекать к ним внимание аудитории.

4. Газетчики и тележурналисты зачастую избегают обстоятельного освещения региональных экологических проблем, а если и пишут о них, то в первую очередь речь идет о таких вопиющих нарушениях, которые невозможно замалчивать в виду того, что распространение информации о них в виде слухов может стать причиной возрастания уровня тревожности среди населения.

5. Характер освещения большинства экологических проблем, представленных в СМИ, свидетельствует о том, что информация о них используется в качестве средства привлечения внимания к печатному изданию, то есть носит популистский характер.

6. Основная масса экологических сведений сосредоточена в Интернете, что свидетельствует о возрастании роли сетевого информирования населения, в первую очередь молодежи, для которой социальные сети стали основным информационным ресурсом.

7. Краеугольным камнем всех публикаций, освещающих негативные последствия антропогенного воздействия на природу, является вывод, что именно человек испытывает на себе негативные последствия своего влияния на окружающую среду. Данный подход, будучи наследием сохраняющихся антропоцентристских ориентаций и потребительского отношения к природе, находится в противоречии с современной биоцентристской парадигмой, диктующей необходимость сохранения биоразнообразия и жизнестойкости природной среды.

Итак, средства массовой информации вносят свой вклад в дело экологической пропаганды и экологического воспитания населения, чем способствуют осознанию опасности сложившейся экологической ситуации. Вместе с тем, выявленные недостатки в информационной деятельности журналистов являются фактором, обуславливающим серьезные просчеты в развитии экологической культуры. Эти недостатки в информировании становятся препятствием на пути к осознанию приоритетности экологических проблем.

Разумеется, адекватному осознанию экологических проблем препятствует, прежде всего, низкий уровень экономической обеспеченности значительной части российского населения. Люди, живущие в условиях социально-экономической депривации или низкого уровня материального достатка, не могут правильно ранжировать существующие проблемы и должным образом оценить уровень опасности экологических проблем. Экономические сложности жизни значительной части российского населения, помноженные на просчеты СМИ в экологическом информировании, становятся весомой причиной сохранения благодушного отношения к существующим экологическим проблемам, выявляемым в процессе наблюдения и измерения метеорологических, фенологических, сейсмологических и некоторых других видов мониторинга состояний окружающей природной среды.

Сохранение недостатков в информировании населения (неполнота информации, ее усечённость, искаженность, замалчивание) является основной причиной индифферентного отношения к природе у значительной части россиян, больше думающих о материальном благополучии, а не о качестве окружающей природной среды. Без предоставления людям полной и достоверной экологической информации невозможно сформировать должный уровень экологической культуры и активно-позитивные природоохранные установки у представителей всех социальных групп российского общества.

Список литературы

1. Васильева В. Н., Решетильникова Н. В., Торгунакова М. А. Экологическое образование в России. – Мурманск: МГТУ, 2012. – 199 с.
2. Гогоберидзе Г. Г. Комплексный анализ устойчивости экосистем и инфраструктуры арктических приморских регионов России как инструмент пространственного планирования морехозяйственной деятельности // Развитие арктических территорий: опыт, проблемы, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции (12–15 декабря 2017 г.). – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2018. – С. 329–331.
3. Дагбаев Э. Д. Средства массовой информации как фактор формирования экологического сознания // Качество воды и традиционное природопользование на приозерных территориях. Материалы VI Международной конференции «Живые озера», Улан-Удэ, 30 июля – 3 августа 2001 г. – Улан-Удэ: БГУ, 2001. – С. 45–49.
4. Доклад о состоянии и об охране окружающей среды Мурманской области в 2012 году. – Мурманск: Индивидуальный предприниматель Щербаков Максим Леонидович, 2013. – 152 с.
5. Калашник А. И. Интегрирование спутниковых радарных съемок в систему комплексного мониторинга горных и нефтегазовых разработок // Развитие арктических территорий: опыт, проблемы, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции (Мурманск, 12–15 декабря 2017 г.). – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2018. – С. 335–338.
6. Карнатов А. Н., Шавыкин А. А. Проблемы разработки карт уязвимости прибрежно-морских зон от нефти на примере Кольского залива // Развитие

арктических территорий: опыт, проблемы, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции (Мурманск, 12–15 декабря 2017 г.). – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2018. – С. 342–346.

7. Меньшикова О. На дне мусорного контейнера поблескивает золото // Мурманский вестник. – 2008. – 27 декабря. – С. 2.

8. Новожилова Е. О. Социально-исторический процесс: экологическое измерение (социально-историческая экология). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. – СПб.: СПбГУ, 2015. – 43 с.

9. Новожилова Е. О. Социально-историческая экология. – СПб: Нестор-История, 2012. – 240 с.

10. Петровская Н. Может ли повториться Чернобыль? // Североморские вести. – 2008. – 14 марта. – С. 6.

11. Социально-гуманитарные чтения памяти профессора В. О. Гошевского (8–12 февраля 2010 г.). – Мурманск: МГТУ, 2010. – 678 с. – [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://www.mstu.edu.ru/science/actions/conferences/files/gum2010-9.pdf> (дата обращения 10.09.2018).

12. Фридман Ш. М., Фридман К. А. Пособие по экологической журналистике. – М.: TACIS, 1998. – 130 с.

13. Экологические проблемы Мурманской области // Экологический портал № 1 в России. Макулатура, металлолом, стеклотара, вывоз мусора. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecology-of.ru/ekologiya-regionov/naskolko-khvatit-bogatstv-murmanskoy-oblasti> (дата обращения 10.09.2018).

14. Экология в Норвегии // Norvegus. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://norvegus.ru/interesnoe/ekologiya-v-norvegii.html> (дата обращения 10.09.2018).

15. Future Challenges for Norway // Statistisk sentralbyrå. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ssb.no/en/natur-og-miljo/artikler-og-publikasjoner/future-challenges-for-norway> (дата обращения 10.09.2018).

References

1. Vasileva V. N., Reshetilnikova N. V., Torgunakova M. A. Ecological Education in Russia [*Ekologicheskoye obrazovaniye v Rossii*]. Murmansk, MGTU, 2012, 199 p.

2. Gogoberidze G. G. A Comprehensive Analysis of Infrastructure in Coastal Arctic Regions of Russia as a Tool of Spatial Planning in Marine Economies [Kompleksnyy analiz ustoychivosti ekosistem i infrastruktury arkticheskikh primorskikh regionov Rossii kak instrument prostranstvennogo planirovaniya morekhozyaistvennoi deyatel'nosti]. *Razvitie arkticheskikh territoriy: opyt, problemy, perspektivy. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 12–15 dekabrya 2017 goda* (Development of Arctic Areas: Experience, Problems, and Prospects. Materials of the International Workshop, 12–15 December 2017). Krasnoyarsk, Nauchno-innovatsionnyy tsentr, 2018, pp. 329–331.

3. Dagbaev E. D. Mass Media as a Factor in Raising Environmental Awareness [Sredstva massovoy informatsii kak faktor formirovaniya ekologicheskogo soznaniya]. *Kachestvo vody i traditsionnoe prirodopolzovanie na priozernykh territoriyakh. Materialy VI Mezhdunarodnoy konferentsii "Zhivye ozera", Ulan-Ude, 30 iyulya – 3 avgusta 2001 goda.* (Water Quality and Traditional Nature Use in Areas Near Lakes. Materials of the International Conference "Living Lakes", Ulan-Ude, 3 July – 3 August 2001), Ulan-Ude, BGU, 2001, pp. 45–49.

4. *Report on Environment Condition and Protection in the Murmansk Oblast in 2012.* Murmansk, Individualnyy predprinimatel Scherbakov Maksim Leonidovich, 2013, 152 p.

5. Kalashnik A. I. Integrating Satellite Radar Surveys into the System of Comprehensive Monitoring of Mining and Petroleum Production [Integrirovaniye sputnikovykh radarnykh syemok v sistemu kompleksnogo monitoringa gornykh i neftegazovykh razrabotok]. *Razvitie arkticheskikh territoriy: opyt, problemy, perspektivy. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Murmansk, 12–15 dekabrya 2017 goda* (Development of Arctic Areas: Experience, Problems, and Prospects. Materials of the International Workshop, 12–15 December 2017). Krasnoyarsk, Nauchno-innovatsionnyy tsentr, 2018, pp. 335–338.

6. Karnatov A. N., Shavykin A. A. Issues of Mapping Coastal Areas Vulnerability to Oil Spills. The Case of the Kola Bay [Problemy razrabotki kart uyazvimosti pribrezhno-morskikh zon ot nefti na primere Kolskogo zaliva]. *Razvitie arkticheskikh territoriy: opyt, problemy, perspektivy. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Murmansk, 12–15 dekabrya 2017 goda* (Development of Arctic Areas: Experience, Problems, and Prospects. Materials of the international workshop, 12–15 December 2017). Krasnoyarsk, Nauchno-innovatsionnyy tsentr, 2018, pp. 342–346.

7. Menshikova O. Gold Glitters on the Bottom of the Rubbish Bin [Na dne musornogo konteynera pobleskivaet zoloto]. *Murmanskiy Vestnik* (Murmansk Herald), 27 December 2008, p. 2.

8. Novozhilova E. O. Socio-Historical Process: The Environmental Dimension (Socio-Historical Ecology). Abstract of the Thesis for the Title of Doctor in Sociology [Sotsialno-istoricheskiy protsess: ekologicheskoye izmereniye (sotsialno-istoricheskaya ekologiya). *Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora sotsiologicheskikh nauk*]. Saint Petersburg, SPbGU, 2015, 43 p.

9. Novozhilova E. O. Social and Historical Ecology [Sotsialno-istoricheskaya ekologiya]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2012, 240 p.

10. Petrovskaya N. Can Chernobyl Happen Again? [Mozhet li povtoritsya Chernobyl?]. *Severomorskiye Vesti* (Severomorsk News), 14 March 2008, p. 6.

11. Materials of the Conference in Social Sciences and Humanities in Memory of Professor V. O. Goshevsky (8–12 February 2010) [Sotsialno-gumanitarnye chteniya pamyati professora V. O. Goshevskogo (8–12 fevralya 2010 goda)]. Murmansk, MGTU, 2010, 678 p. Available at: <http://www.mstu.edu.ru/science/actions/conferences/files/gum2010-9.pdf> (accessed 10 September 2018).

12. Fridman S. M., Fridman K. A. A Handbook on Environmental Journalism [*Posobiye po ekologicheskoy zhurnalistike*]. Moscow, TACIS, 1998, 130 p.

13. Environmental Issues in the Murmansk Oblast [*Ekologicheskie problemy Murmanskoy oblasti*]. Available at: <http://ecology-of.ru/ekologiya-regionov/naskolko-khvatit-bogatstv-murmanskoj-oblasti> (accessed 10 September 2018).

14. Ecology in Norway [*Ekologiya v Norvegii*]. Available at: <http://norvegus.ru/interesnoe/ekologiya-v-norvegii.html> (accessed 10 September 2018).

15. *Future Challenges for Norway*. Available at: <https://www.ssb.no/en/natur-og-miljo/artikler-og-publikasjoner/future-challenges-for-norway> (accessed 10 September 2018).

УДК 168.2, 81-13

Структура языковых категорий: классический vs. прототипический подходы*

Скребцова Татьяна Георгиевна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра математической лингвистики, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11,

тел.: +7 (921) 310-33-19.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Проблема категоризации мира человеком восходит к трудам древнегреческих философов. В частности, с именем Аристотеля связывают так называемую классическую теорию категорий, безраздельно господствовавшую в науке на протяжении более чем двух тысячелетий. В 1960–1970-е гг., в связи с когнитивной революцией, начинает складываться альтернативная теория категоризации, а именно теория прототипов. В настоящее время принято рассматривать данные теории как в некотором роде комплементарные: классическая служит инструментом непротиворечивого рассуждения в логике, математике, естественных науках, а прототипическая отражает специфику бытового, повседневного мышления.

Цель: В работе рассматриваются исходные постулаты классической теории, а также предпосылки возникновения прототипической теории и ее основные положения. Далее следует обращение к языковому материалу. Анализуются такие базовые лингвистические понятия, как слово, предложение, части речи (существительное, глагол), падеж, синоним и др. Цель исследования состоит в том, чтобы выяснить, как устроены категории естественного языка и какой подход – классический или прототипический – более приспособлен для их описания.

Результаты: Анализ лингвистических категорий выявляет их несоответствие требованиям, предъявляемым классической теорией. Языковые категории зачастую лишены четких границ, принадлежность к категории не может быть задана набором необходимых и достаточных условий, а членство является градуальным. Во всех рассмотренных категориях наблюдается прототипический эффект, связанный с асимметрией между более и менее типичными представителями категории (или ее лучшими и худшими примерами).

Выводы: Прототипическая теория является более адекватным инструментом описания строения языковых категорий, чем классическая. Это объясняется тем, что в естественном языке находят свое отражение общие когнитивные способности человека. Поэтому неудивительно, что структурные

* © Т. Г. Скребцова, 2018

категории языка во многом схожи с категориями, при помощи которых человек осмысляет окружающий его мир.

Ключевые слова: категоризация; классическая теория категорий; теория прототипов; прототипический эффект; языковые категории; теория семантического поля; Пражский лингвистический кружок.

The Structure of Linguistic Categories: Classical vs. Prototype Theories

Skrebtsova Tatyana Georgievna – Saint Petersburg State University, Department of Mathematical Linguistics, Ph. D. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

11 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia,
tel.: +7 (921) 310-33-19.

Abstract

Background: Categorization, the process in which things and ideas are recognized, differentiated and understood, has to do with grouping individual objects into categories. Research into the issue can be traced back to Ancient Greek philosophers and, in particular, to a special treatise by Aristotle, which lay foundation for the so-called classical theory of categorization. In it, categories have clear boundaries, are defined in terms of necessary and sufficient features, and all members of a category have equal status. Over the centuries, the classical theory became deeply entrenched in the Western thought. It was taken for granted in most scholarly disciplines, being considered an unquestionable truth. In the 1960-70s, due to the cognitive revolution, an alternative approach, prototype theory, sprang up. Nowadays, the two theories are normally viewed as complementary, rather than competing ones. The classical theory serves as an indispensable tool in logical reasoning, mathematics and sciences while prototype theory seems best suited for capturing the way we draw lines in our everyday experience.

Aim: The paper addresses main postulates of the classical theory as well as the historical background and the import of the prototype approach. Next, the structure of a few basic linguistic categories (word, sentence, parts of speech, case, synonym, etc.) is analyzed, to find out which theory is able to provide an adequate account.

Results: A rough-and-ready analysis of the basic linguistic categories reveals that they do not meet the assumptions of the classical theory. Linguistic categories often lack clear boundaries, their members do not share a fixed list of necessary and sufficient features and membership is graded. Linguistic categories show prototype effects, i. e. asymmetry between most and less typical category members, its better and worse examples.

Conclusion: Prototype theory fits the structure of linguistic categories much better than the classical approach. Language, being at once a product and an instrument of cognition, is more likely than not to reflect general cognitive abilities

and, in particular, the ability to categorize. Thus it is no accident that language categories are analogous to the categories which human beings perceive in the non-linguistic world around them.

Keywords: categorization; classical theory of categories; prototype theory; prototype effects; linguistic categories; semantic field theory; Prague linguistic circle.

Классическая и прототипическая теории категоризации

Категоризация как ментальная операция, связанная с осмыслением непрерывного континуума опыта в терминах дискретных категорий, лежит в основе всей жизнедеятельности человека. Каждый из нас, не отдавая себе в том отчета, ежесекундно выполняет операции по распознаванию того или иного нового фрагмента опыта (будь то предмет, слово, действие, состояние и т. д.) как разновидности определенного, обычно уже знакомого, класса сущностей или явлений. Как замечает видный представитель когнитивной лингвистики Дж. Лакофф, если лишить человека этой способности, он не сможет функционировать ни физически, ни социально, ни интеллектуально [см.: 4, с. 20].

Как это происходит? Откуда берутся категории и как они устроены? На первый взгляд может показаться, что категории заданы в самой действительности, а наш ум всего лишь их отражает. Однако это не так, и простейшим опровержением служит наличие в понятийной системе человека абстрактных категорий, существующих только в его сознании [см.: 4, с. 20]. Другое возможное возражение связано с отсутствием четких границ даже между конкретными сущностями (ср. *дерево* и *куст*, *гора* и *холм*, *лес* и *парк*, *река* и *ручей*, *улица* и *проспект*), не говоря уж об абстрактных (например, *радость* и *счастье*, *экономический спад* и *экономический кризис* и т. д.). Наконец, можно указать на различное членение действительности в разных языках мира – обстоятельство, послужившее поводом для выдвижения теории лингвистической относительности. Таким образом, очевидно, что категории не заданы во внешнем мире, а являются результатом осмысления этого мира человеком; отсюда важность соответствующей проблемы для философии и когнитивной науки.

Представители последней считают, что в настоящее время в науке сосуществуют две альтернативные теории категорий: одна – «классическая»¹ – восходит к Аристотелю, другая – «прототипическая» – сформировалась относительно недавно (в 1970-е гг.) и связана с исследованиями американского когнитивного психолога Э. Рош. Классическая теория безраздельно господствовала в науке на протяжении более двух тысяч лет, в результате чего превратилась в нечто само собой разумеющееся и не вызывающее сомнений. Однако, будучи продуктом априорных умозрительных построений, она, как утверждают когнитивисты, не учитывает особенности осмысления мира

¹ Эпитет *классическая* здесь одновременно включает ссылку на античность и выступает синонимом слов *традиционный, общепринятый* [см.: 15, р. 22].

человеком, и в этом ее серьезный недостаток. Напротив, прототипическая теория имеет эмпирическое обоснование, придающее ей психологическую достоверность [см.: 4, с. 21].

Согласно классической теории, традиционно связываемой с именем Аристотеля, категория представляет собой некое абстрактное вместилище, заключающее в себе некоторое множество сущностей – равноправных членов данной категории, обладающих рядом общих существенных свойств. Таким образом, основные положения данного подхода можно сформулировать следующим образом [ср.: 15, р. 23–24]:

- категории представляют собой абстрактные вместилища с четкими границами;

- члены категории обладают набором общих существенных свойств, которые можно рассматривать как необходимые и достаточные условия членства в данной категории;

- члены категории обладают одинаковым статусом внутри категории.

Возникновение прототипической теории было подготовлено экспериментальными работами антропологов, психологов, лингвистов, в которых была показана несостоятельность этих исходных установок классической теории [см.: 3; 4, с. 28–62]. Важнейшим философским трудом, поставившим под сомнение ее универсальную валидность, стали «Философские исследования» Л. Витгенштейна [см.: 4, с. 32–34].

Психологические эксперименты Э. Рош были направлены на изучение внутреннего устройства предметных категорий, таких как *мебель*, *фрукт*, *игрушка*, *птица*, *одежда* и пр. [см. обзор ее работ – 4, с. 62–70]. Основным итогом исследований связан с выявлением неравноправия между членами категории: некоторые из них, согласно информантам, оказались более типичными, центральными представителями, а другие – менее характерными, периферийными. Иными словами, можно говорить о лучших и худших примерах той или иной категории.

Так, среди птиц лучшим примером категории (ее центральным представителем, прототипом), с точки зрения калифорнийских студентов², оказалась малиновка. Рош объясняет это тем, что в сознании людей существует представление о «настоящей» птице, которая умеет летать и петь, не хищная и в то же время не домашняя, не очень крупная и т. д., так что малиновка (будучи к тому же распространенной птицей в регионе, где проживали информанты) оказалась ближе других к этому «идеалу». Чем больше отклонение от «идеала», тем дальше от центра расположен соответствующий представитель. Так, хищные птицы (например, орлы) были признаны менее типичными членами категории. Еще дальше на периферии оказались курицы, гуси, утки, пингвины и страусы – в силу того, что все они довольно крупные, некоторые не умеют летать, некоторые домашние и т. д. Однако, как подчеркивает автор, неравенство членов категории не означает, что, к примеру, пингвин и страус являются в меньшей степени птицами, чем малиновки. Все члены данной

² Очевидно, что подобного рода суждения являются культурно-обусловленными.

категории являются «стопроцентными» птицами, различие же заключается только в их типичности, иными словами, в степени близости к прототипу.

Согласно Рош, центральные члены категории чаще встречаются в повседневной жизни, раньше усваиваются в детстве, быстрее распознаются и служат для представления всей категории в целом. Асимметрия между центральными и периферийными членами категории с точки зрения их когнитивного статуса получила название прототипического эффекта. Причины его возникновения обсуждаются в глубокой и содержательной статье [см.: 10]. Автор приводит четыре гипотезы, в той или иной степени обозначенные в работах самой Рош: физиологическую, референциальную, статистическую и психологическую, причем последняя ему кажется наиболее адекватной, способной объяснить даже те случаи, которые идут вразрез с другими объяснениями [см.: там же].

Теория прототипов вызвала огромный резонанс в научных кругах: в 1970–1980-е гг. начался настоящий бум изучения категоризации, приведший к ее выделению в самостоятельный раздел когнитивной психологии. Исследования вскоре вышли за пределы предметных категорий: за известной статьей, посвященной более и менее типичным ситуациям лжи [см.: 8], последовали работы, авторы которых рассматривали различные действия и свойства с точки зрения теории прототипов (см., например, анализ действий, обозначаемых глаголами *look* ‘смотреть’, *kill* ‘убивать’, *speak* ‘разговаривать’, *walk* ‘идти’, в работе [14] или свойства *tall* ‘высокого роста’ в статье [9]). Во всех подобных исследованиях мысль о неравенстве членов категории получила подтверждение. Прототипические эффекты были обнаружены даже в категориях четных и нечетных чисел!

Казалось бы, четные и нечетные числа – хороший пример категорий, в которых соблюдаются все три принципа классического подхода; тем не менее оказалось, что для бытового сознания не все числа одинаково значимы. В опыте, описанном в статье [7], испытуемым был дан некоторый набор четных и нечетных чисел и предложено оценить их статус в соответствующих категориях. По результатам эксперимента из нечетных чисел наиболее высокий рейтинг получило число 3, а самый низкий – числа 447 и 91; среди четных чисел лидировали 2 и 4, а 106 и 806 были сочтены худшими представителями категории. Эти курьезные результаты, однако, нисколько не противоречат научному знанию. Дело в том, что обычный человек (не математик) на протяжении своей жизни чаще всего имеет дело с числами 2, 3 и 4, и потому они обладают для него когнитивной выделенностью. Таким образом, в данном случае прототипические эффекты объясняются расхождениями между научной и онтологически первичной наивной картинами мира.

Обращение исследователей к разнообразным категориям расширило представления ученых о том, как они в принципе могут быть устроены. Рассматривая категорию *птица*, Рош пришла к выводу о том, что она имеет четкие границы, наиболее типичный представитель расположен в центре категории, а ее целостность поддерживается как наличием общих признаков, так и отношениями семейного сходства. Однако так устроены не все категории.

Витгенштейн указал на отсутствие общих свойств у членов категории *игра*, а Лабов – на размытость границ между *чашиками, кружками, мисками* и *вазами* (см. выше). Нет границ и у упомянутой выше категории *tallness* ('быть высокого роста'), но по другой причине, а именно, зависимости от прежнего опыта индивида и прочих внешних факторов (так, понятие *высокий человек* различно для жителей скандинавских стран и пигмеев). У этой категории есть и другие существенные отличия от категории *птица*: она «одномерна» (т. е. представляет собой шкалу, вдоль которой ранжируются конкретные люди в зависимости от их роста), членство в ней является градуальным, а наиболее типичный представитель расположен на одном из концов шкалы. Вообще, размытые границы и градуальное членство в категории присущи целому ряду категорий, ср.: *предмет красного цвета, теплая вода* и т. д.

Интересно, что язык обладает специальными ресурсами для выражения разной степени членства внутри категорий – это такие ограничительные частицы, вводные обороты и прочие конструкции, как *строго говоря, мягко выражаясь, фактически, практически, почти, вообще-то, как таковой, в том смысле что, типа, как бы* [ср.: 13].

Можно ли сказать, что прототипическая теория категорий вытеснила классическую? Едва ли. Скорее, они находятся в отношении комплементарности. Несомненным достоинством теории прототипов является ее гибкость, способность «приспосабливаться» к меняющимся бытовым и социальным реалиям. Так, многие предметы обихода, бывшие прототипами соответствующих категорий, скажем, век или полвека назад, с течением времени отодвигаются все дальше на периферию категории (ср. изменение внешнего вида телефона, чемодана и пр.). В отличие от классической теории, в рамках которой всякие изменения в науке, технике или общественной жизни означают необходимость создания новых категорий или кардинальной ревизии старых, прототипический подход предполагает растяжимость границ и подвижность внутренней структуры категории, что позволяет легко вводить в нее новых представителей.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что классическая теория никогда явным образом не претендовала на адекватное отражение специфики повседневного, «бытового» человеческого мышления. Она была вызвана к жизни потребностью непротиворечивого рассуждения в логике, математике, естественных науках и продолжает оставаться в них удобным инструментом. Возникновение альтернативной теории категоризации связано с тем, что прочная, многовековая закреплённость классического подхода в научной традиции привела к его абсолютизации и попыткам механического переноса на явления другого порядка; здесь-то и обнаружилось его несоответствие психологической реальности.

Описание языковых категорий с позиций классической и прототипической теорий

В гуманитарных науках определение и описание явлений с позиций классического подхода неизбежно наталкивается на сопротивление материала.

Языкознание в этом смысле не является исключением. Лингвистические понятия, как правило, не обладают четкими границами и не могут быть описаны через набор необходимых и достаточных свойств.

Трудности возникают уже при определении такого, казалось бы, самоочевидного понятия, как слово. В бытовом сознании носителя русского языка слово – это то, что на письме ограничено с обеих сторон пробелами или знаками препинания. Заметим, что это определение малопригодно в общелингвистическом плане, что обусловлено существенными межъязыковыми различиями. Но даже в рамках русского языка оно чревато осложнениями, ср. *никто, никого, но ни для кого, никому, но ни к кому; кое-что, но кое о чем* и т. д. Получается, что члены одной парадигмы то выступают в виде одного слова, то разрываются предлогом и включают два слова³.

Поэтому лингвисты при определении понятия слова считают необходимым учитывать не только формальный, но и содержательный критерий, а именно семантическое единство слова. Но здесь возникает новая проблема, связанная с возможным конфликтом между этими двумя критериями. В частности, в языке есть идиомы, представляющие собой тесно спаянные словосочетания, характеризующиеся своим особым значением, отдельно фиксируемым в толковых словарях, ср. *дать дуба, очертя голову, ни зги (не видно)*. Есть также широкий круг так называемых устойчивых сочетаний, или коллокаций, значение которых не выводимо из значений составляющих их слов, ср. *железная дорога, большой палец* и пр. Получается, что в семантическом аспекте идиомы и коллокации аналогичны отдельным словам, а в формальном представляют собой комплекс из двух (или более) слов. Обратная проблема – с семантическим критерием – возникает у служебных слов. Например, в предложении *Мяч влетел в окно* предлог *в* формально представляет собой отдельное слово, а в содержательном плане едва ли отличается от приставки *в-* в глаголе *влетел* (оба выражают направление вовнутрь). Указанные несоответствия наглядно демонстрируют, что понятие слова не поддается определению в рамках классической теории категорий.

Возьмем другое базовое понятие – предложение. С графической точки зрения, оно представляет собой цепочку буквенных (или смешанных, так как возможно вкрапление цифр и других знаков) символов, ограниченных такими знаками препинания, как точка, многоточие, восклицательный или вопросительный знак (если речь не идет о начальном предложении текста). Однако это формальное определение «не работает» в случае прямой речи, ср.: «– *Подожди!* – *крикнул он*». С одной стороны, предложением является вся последовательность из трех слов, с другой – прямая речь в виде восклицания также является самостоятельным предложением. Если же обратиться к семантическому критерию, согласно которому предложение должно обладать смысловой законченностью, то его несостоятельность выявляется не только в случае прямой речи, но и у широкого круга неполных предложений наподобие

³ Здесь, кстати, можно вспомнить, что написание слитно, через дефис или раздельно в ряде случаев является совершенно формальным моментом, который регулируется текущими правилами орфографии. Это написание может различаться в разные периоды истории языка.

«Я – за», «Это – тебе», «Какой сегодня день? – Понедельник», «Чья это книга? – Моя» и т. п., которыми изобилует разговорная речь.

Ярким примером, показывающим непригодность классических категорий в языкознании, может служить понятие частей речи. Еще А. М. Пешковский [5, с. 79] указывал на существенные различия в семантике глаголов и невозможность ее сведения к идее действия, ср.: «Нам смешна школьная формула *что сделал? – умер*». Действительно, помимо глаголов действия, в языке есть, к примеру, глаголы состояния (*висеть, зеленеть, гордиться, хотеть, господствовать, владеть*), в том числе безличные (*морозить, светать, знобить*), которые близки к другой части речи – так называемой категории состояния (*душно, больно, завидно*).

Аналогичным образом, далеко не все существительные характеризуются предметностью. Абстрактные существительные, напротив, имеют выраженную признаковую семантику, что сближает их с прилагательными (ср. *белизна – белый, ум – умный, смелость – смелый, великолетие – великолетний*). При этом само деление на конкретные и абстрактные существительные не является однозначным, и речь идет не о строгой оппозиции, а о градуальной шкале. На одном ее конце – существительные, обозначающие конкретные исчисляемые предметы (одушевленные или нет), а на противоположном – абстрактные философские категории наподобие времени, меры, энергии. Между этими полюсами на разном удалении располагаются прочие случаи, например, собирательные существительные (*детвора, горох, песок, вода*), обозначения мест и географических объектов (*двор, равнина*), общественных институций (*полиция, министерство*) и т. д. В итоге, не получается выделить ни четкие содержательные критерии для глагола и существительного, ни формальные. Последнее выражается в разнице парадигм – так, безличные глаголы могут употребляться только в 3-м лице единственного числа (в отличие, скажем, от глаголов действия, имеющих полную парадигму), а собирательные существительные (и также целый ряд абстрактных существительных) не имеют форм множественного числа.

Следует заметить, что основания для выделения категорий особенно зыбки в области лексической семантики. Можно указать, к примеру, на различия в интерпретации понятия синонимии и различные виды синонимов. Как известно, в языке существует небольшое число так называемых полных синонимов, или дублетов, которые характеризуются одинаковым значением и сочетаемостью (ср. *лингвистика – языкознание, бегемот – гиппопотам, алфавит – азбука*). Гораздо больше частичных синонимов, которые могут различаться оттенками значения (*узкий – тесный – тонкий*) или стилистической окраской (*лицо – лик – физиономия – мордашка – рыло – харя*).

Другие семантические отношения в лексике (антонимия, омонимия, полисемия, меронимия и пр.) также не образуют единых, внутренне однородных категорий с четкими границами. Наглядным примером могут служить понятия полисемии (многозначности) и омонимии. Эти феномены сближает формальный момент: одна и та же языковая форма имеет более одного значения. Однако по сути это разные явления, и соответствующие

случаи по-разному описываются в толковых словарях. Согласно школьным определениям, если между значениями языковой формы нет никакой связи, то перед нами омонимы, а если такая связь есть, то это значения многозначного слова. Но школьные определения, как водится, упрощают действительность.

Лексикологам хорошо известно, что существует явление так называемой разошедшейся полисемии, а именно: некогда прочно связанные между собой значения со временем стали как бы отдаляться друг от друга, связь между ними ослабевала, так что на настоящий момент она практически не осознается носителями языка. Ср.: *лопатка1* – ‘часть тела’ и *лопатка2* – ‘орудие для копания’, *пленишь1* – ‘взять в плен’ и *пленишь2* – ‘очаровать’, *сечь1* – ‘бить в наказание’ и *сечь2* – ‘рубить на части’, *вязать1* – ‘стягивать веревкой’ и *вязать2* – ‘плести спицами, крючком или на машине’, *махнуть1* – ‘делать взмах рукой’ и *махнуть2* – ‘отправиться, поехать куда-нибудь’. Следует ли такие значения рассматривать как случаи полисемии (отдавая дань истории слова) или омонимии? Общего решения здесь не может быть в силу индивидуальности, уникальности каждого слова, и вследствие этого одна и та же языковая форма может в одних словарях выступать в виде многозначного слова, а в другом – набора омонимов. С точки зрения целей настоящего исследования важно то, что, куда бы подобные случаи ни были отнесены, они неизбежно оказываются периферийными, лежащими в зоне пересечения омонимии и полисемии – двух разных языковых категорий.

Можно было бы предположить, что грамматические категории характеризуются большей четкостью и однородностью, но это не так. Рассмотрим, например, падеж. В школьном учебнике русского языка выделяется шесть падежей (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный). В то же время лингвисты фиксируют наличие у некоторых существительных дополнительно форм партитива (ср. *налить чаю, водки* vs. *налить чай, водку*; *нанесло много снега* vs. *нанесло много снега*), местного падежа (*висеть в шкафу* vs. *говорить о шкафе*), а также формирование в современном русском языке «новозвательного падежа», проявляющегося в таких усеченных формах, как *Мам! Вась! Лен!* – наряду с сохранением ограниченного числа древнерусских форм звательного падежа, ср. *отче, боже, господи* и нек. др. Очевидно, что эти «дополнительные» падежи не являются центральными представителями соответствующей категории, а располагаются на ее периферии.

Мы привели достаточно примеров, показывающих непригодность классической теории категоризации для адекватного описания естественного языка. Языковые категории не обладают четкими границами, и членство в них невозможно задать перечнем необходимых и достаточных условий. Очевидно, что члены языковых категорий имеют разный статус с точки зрения большей или меньшей типичности. Следовательно, требуется принципиально иной подход.

Этот факт осознавался лингвистами задолго до возникновения когнитивной науки и формирования теории прототипов. В период между мировыми войнами немецкими языковедами, провозгласившими себя

неогумбольдтианцами – последователями В. фон Гумбольдта (Г. Ипсенем, Й. Триром, Л. Вайсгербером и др.), – была выдвинута теория семантического поля, которая предложила осмысление языковых явлений с позиций соответствующей пространственной метафоры. Поле представляет собой некоторый участок со своим центром, периферией и границами, отделяющими его от смежных полей. Соответственно, можно говорить о языковых единицах, располагающихся ближе к центру или дальше от него. Границы поля, как правило, размыты, и периферии соседних полей пересекаются, так что некоторые единицы могут одновременно считаться членами двух и более полей. Теория семантического поля успешно применяется по сей день при описании как словарного состава, так и грамматических явлений.

Схожие мысли примерно в то же время высказывались представителями Пражского лингвистического кружка (Ф. Данешем, Й. Вахеком, С. Карцевским и др.). Описание языковых явлений в терминах центра и периферии опиралось здесь не столько на пространственную метафору, сколько на разнообразные аналогии из области физики: гравитационное поле, силу, энергию, притяжение, излучение. Апелляция к этим понятиям позволяла лингвистам обсуждать не только синхроническую структуру языка, но и диахронические процессы – языковые изменения и их причины.

Появление этих концепций было вызвано к жизни проблемами, связанными, как показано выше, с несоответствием теоретических установок классической теории категоризации реалиям естественного языка. Становление и развитие прототипической теории в 70–80-е гг. XX века обеспечивает более общую философскую основу для адекватного рассмотрения и описания языковых явлений.

Теоретической предпосылкой применения прототипической теории к языковым категориям служит идея о том, что в естественном языке – продукте и инструменте когнитии – проявляются общие когнитивные способности человека, в том числе способность к категоризации. И есть все основания полагать, что структурные категории языка во многом схожи с категориями, при помощи которых человек осмысляет окружающий его мир [см.: 15, с. ix–x].

Как показал в своем обстоятельном исследовании Дж. Тэйлор, прототипические эффекты наблюдаются на всех уровнях языка – от фонологии до синтаксиса [см.: 15]. Различные языковые категории – будь то фонема, слог, интонационная конструкция, слово, падеж, глагольная переходность, полисемия, метафора и пр. – неизменно демонстрируют наличие более и менее типичных членов.

Если вновь обратиться к нашим примерам (см. выше), можно предположить, что прототипом языковой категории *слово* будут однословные исчисляемые конкретные существительные (благодаря их номинативности, семантической и грамматической самодостаточности). Применительно к понятию предложения, лучшими примерами будут отдельные двусоставные предложения; односоставные предложения (назывные, неопределенно-личные и т. д.) будет располагаться дальше от центра, а неполные и вовсе на периферии. Неполные предложения, представленные единственным словом

(Понедельник. Нет. Спасибо), можно с сугубо формальной точки зрения считать словами; таким образом, будет наблюдаться пересечение соответствующих категорий за счет периферийных явлений.

Как известно, частеречная классификация слов вызывает особые сложности в рамках классической теории категорий, что приводит к отсутствию единого мнения в трактовке целого ряда явлений. Преимущества прототипического подхода в решении этого вопроса убедительно показаны в исследованиях [см.: 11; 12; 2; 1, с. 134–170]. Вновь возвращаясь к нашим примерам, можно сказать, что, в полном соответствии со школьным определением (см. выше), прототипическими глаголами будут глаголы действия, предполагающие целенаправленное воздействие одушевленным агентом (желательно – человеком) на конкретный объект, приводящее к изменениям в нем, ср. *резать, пилить, копать*. От центра несколько отстоят глаголы перемещения (*идти, ехать, карабкаться*) и движения вообще (*шевелиться, прыгать*), а также глаголы, обозначающие природные процессы (*расти, течь, распускаться*). Еще дальше к периферии располагаются глаголы речи (*говорить, восторгаться*), умственной деятельности (*думать, разгадывать*), социальной деятельности (*учреждать, служить, трудиться*) и физиологических действий (*пить, есть*). Глаголы, обозначающие различные состояния и отношения (*жить, обладать, ревновать, мечтать, бездельничать, болеть, весить, стоить, включать*), а также десемантизированные глаголы типа *быть* и *являться* находятся на границе соответствующей языковой категории. Аналогичным образом, прототипическими существительными будут конкретные существительные, обозначающие счетные предметы и лица.

Итак, прототипическая теория категорий оказывается более подходящим инструментом для анализа и описания языковых явлений, чем классическая. Примечательно, что отношения между данными теориями можно рассматривать в более широком контексте – как соотношение логического и психологического в разных направлениях типологии [подробнее см.: 6]. Столетие назад О. Шпенглер в своей книге «Закат Европы» писал о двух типах культур – ориентированных исторически и психологически. Европейская культура нового и новейшего времени была исторически (и логически) ориентированной культурой, поэтому в XIX в. «исторические классификации» получили широкое распространение. Североамериканская же культура является культурой психологически ориентированной. Смена лидерства Европы лидерством Северной Америки во второй половине XX века привела к доминированию психологического над логическим. В результате акцент сместился с классификации на категоризацию: в фокусе внимания оказалась уже не операция многоступенчатого, разветвленного деления логического объема понятия, а психический процесс отнесения единичного объекта, события, переживания к некоторому классу [см.: 6, с. 370].

Список литературы

1. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.

2. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 327 с.
3. Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. – М.: Прогресс, 1983. – С. 133–176.
4. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 512 с.
6. Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Из истории типологических представлений // Структурная и прикладная лингвистика. – Вып. 7. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 328–390.
7. Armstrong S. L., Gleitman L. R., Gleitman H. What Some Concepts Might Not Be // Cognition. – 1983. – Vol. 13. – № 3. – pp. 263–308.
8. Coleman L., Kay P. Prototype Semantics: The English Verb *Lie* // Language. – 1981. – Vol. 57. – № 1. – pp. 26–44.
9. Dirven R., Taylor J. The Conceptualization of Vertical Space in English: The Case of *Tall* // Topics in Cognitive Linguistics. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. – pp. 379–402.
10. Geeraerts D. Where Does Prototypicality Come From? // Topics in Cognitive Linguistics. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. – pp. 207–229.
11. Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in Grammar and Discourse // Language. – 1980. – Vol. 56. – № 2. – pp. 251–299.
12. Hopper P. J., Thompson S. A. The Discourse Basis for Lexical Categories in Universal Grammar // Language. – 1984. – Vol. 60. – № 4. – pp. 703–752.
13. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Papers from the 8th Regional Meeting of Chicago Linguistic Society. – Chicago: Chicago University Press, 1972. – pp. 183–228.
14. Pulman S. G. Word Meaning and Belief. – London: Croom Helm, 1983. – 179 p.
15. Taylor J. R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 312 p.

References

1. Wierzbicka A. Semantic Universals and Language Description [*Semanticheskie universalii i opisanie yazykov*]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kultury”, 1999, 780 p.
2. Kubryakova E. S. Parts of Speech from a Cognitive Viewpoint [*Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya*]. Moscow, Institut yazykoznaneya RAN, 1997, 327 p.
3. Labov W. The Structure of Referential Meaning [*Struktura denotativnykh znacheniy*]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 14* (New Trends in Foreign Linguistics. Vol. 14). Moscow, Progress, 1983, pp. 133–176.

4. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind [*Zhenschiny, ogon i opasnye veschi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii*]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2004, 792 p.
5. Peshkovskiy A. M. Russian Syntax from a Scholarly Viewpoint [*Russkiy sintaksis v nauchnom osveschenii*], 7th ed. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatelstvo Ministerstva prosvescheniya RSFSR, 1956, 512 p.
6. Chebanov S. V., Martynenko G. Y. From the History of Typological Representations [*Iz istorii tipologicheskikh predstavleniy*]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika. Vyp. 7* (Structural and Applied Linguistics. Vol. 7). Saint Petersburg: SPbGU, 2008, pp. 328–390.
7. Armstrong S. L., Gleitman L. R., Gleitman H. What Some Concepts Might Not Be. *Cognition*, 1983, Vol. 13, № 3, pp. 263–308.
8. Coleman L., Kay P. Prototype Semantics: The English Verb *Lie*. *Language*, 1981, Vol. 57, № 1, pp. 26–44.
9. Dirven R., Taylor J. The Conceptualization of Vertical Space in English: The Case of *Tall*. *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1988, pp. 379–402.
10. Geeraerts D. Where Does Prototypicality Come From? *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1988, pp. 207–229.
11. Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in Grammar and Discourse. *Language*, 1980, Vol. 56, № 2, pp. 251–299.
12. Hopper P. J., Thompson S. A. The Discourse Basis for Lexical Categories in Universal Grammar. *Language*, 1984, Vol. 60, № 4, pp. 703–752.
13. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Papers from the 8th Regional Meeting of Chicago Linguistic Society*. Chicago, Chicago University Press, 1972, pp. 183–228.
14. Pulman S. G. Word Meaning and Belief. London, Croom Helm, 1983, 179 p.
15. Taylor J. R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. 2nd ed. Oxford, Oxford University Press, 1995, 312 p.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008 (103)

Национальная культура в постиндустриальном обществе^{*}

Лойко Лариса Егоровна – учреждение образования «Академия МВД Республики Беларусь», кафедра философии и идеологической работы, доцент, кандидат философских наук, Минск, Беларусь.

E-mail: larisa.loiko@tut.by
220004, Беларусь, г. Минск, пр. Машерова, 6,
тел.: 8-375-289-22-42.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Формирование информационного общества и процесс глобализации сопровождаются стиранием культурных, национальных, социальных различий и ценностей. Поэтому актуализируется проблема национальной идентичности, самосознания, цивилизационных границ. В этой связи встают вопросы о геополитической, экономической, духовной устойчивости развития общества.

Результаты: Историческая память – это способность народа воспринимать прошлое страны как собственную духовную биографию. Она является важнейшим показателем зрелости исторического сознания и необходимой основой воспитательного процесса, в том числе в высших учебных заведениях.

В геополитическом плане для белорусской подсистемы восточно-европейского региона характерно сочетание установок на национальное самоопределение и идей федерализма, учитывающего региональные ценности в культурном развитии.

Выводы: Особую роль в формировании нравственных механизмов исторической памяти белорусского народа играет преемственность белорусской и российской истории. Начиная с эпохи Возрождения, интеллектуальная культура страны формировалась с участием приграничных регионов Украины, России, Польши, Литвы. Особенно важную роль играли контакты между регионами, где традиционно проживали восточные славяне – белорусы, русские, украинцы. Связь настоящего и прошлого явно прослеживается в формировании культурной генетики родственных народов, общих ценностей социального пространства, способности противостояния нигилизму.

Ключевые слова: историческая память; нравственность; глобализация; нигилизм; ценности.

^{*} © Л. Е. Лойко, 2018

National Culture in Post-Industrial Society

Loyko Larisa Egorovna – Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Department of Philosophy and Ideological Work, associate professor, Ph. D., Minsk, Belarus.

E-mail: larisa.loiko@tut.by
6 Masherov Ave., Minsk, 220004, Belarus,
tel.: 8-375-289-22-42.

Abstract

Background: The formation of information society and the globalization blur the distinction between cultural, national, social peculiarities and values. Therefore, the problem of national identity, self-awareness and civilizational boundaries is actualized. This situation is bound to raise questions about society geopolitical, economic, spiritual sustainable development.

Results: Historical memory is the ability of people to perceive the country's past as their own spiritual biography. It is the most important indicator of the maturity of historical consciousness and a necessary basis for the educational process, including higher educational institutions.

In geopolitical terms, the Belarusian subsystem of the Eastern European region is characterized by a combination of attitudes towards national self-determination and the ideas of federalism that takes into account regional values in cultural development.

Conclusion: The continuity of the Belarusian and Russian history plays a special role in triggering the moral mechanisms of the historical memory of the Belarusian people. Since the Renaissance, the intellectual culture of the country has been developed with the participation of border regions of Ukraine, Russia, Poland, and Lithuania. Contacts between the regions where Eastern Slavs traditionally have been living – Belarusians, Russians, Ukrainians – have played an especially important role. The connection of the present and the past is clearly seen in the formation of the cultural genetics of the kindred peoples, the common values of social space, the ability to resist nihilism.

Keywords: historical memory; morality; globalization; nihilism; values.

Наращение темпов научно-технического прогресса привело к формированию во второй половине XX века феномена постиндустриального общества. С этим феноменом ассоциируется глобализация. Социально-философское осмысление ее связано с работами таких авторов, как Е. Хантингтон [см.: 2] и Р. Робертсон [см.: 4].

В исторической ретроспективе это явление не новое. Античной формой глобализации была Римская империя, в Новое и Новейшее время – колониальные империи, нарастание миграционных процессов. Специфика современной формы глобализации состоит в ее комплексном характере и отсутствии жестких форм локализации. Она проявляется и исследуется на различных уровнях.

На геополитическом уровне обнаружилось стремление США закрепить свой статус как основу однополярного мира. На экономическом уровне происходит формирование транснациональных корпораций как звездно-сетевых структур, международных экономических и финансовых организаций (ВТО, МВФ, Европейский банк); виртуализация экономики, сдвиг ее от производства товаров к производству услуг. Информационно-компьютерные технологии сформировали единое коммуникативное пространство на планете, обусловили развитие средств массовой информации.

Общие позитивные результаты реализации глобализационных программ сопровождаются нарастанием негативных проблем в функционировании конкретных социальных систем, что требует консолидации усилий государств в их преодолении. Философско-мировоззренческий аспект глобализации связан с оценкой ее последствий в развитии национальных и региональных социокультурных пространств.

Процессы глобализации сопровождаются стиранием культурных, национальных, социальных различий и ценностей. Поэтому актуализируется проблема национальной идентичности, самосознания, цивилизационных границ. В этой связи встают вопросы о геополитической, экономической, духовной устойчивости развития общества.

Республика Беларусь как социокультурное пространство демонстрирует сочетание глобализации и локальности. Исторически белорусская культура транзитивна, совмещает различные культурные традиции, осуществляет активные трансграничные контакты. Практически это выражается в совместном с другими странами решении глобальных проблем.

Через территорию Республики Беларусь проходят важнейшие коммуникационные линии: трансъевропейские газо- и нефтепроводы, авиалинии, автомобильные дороги. Беларусь является членом многих международных организаций – например, ООН, международной организации труда, международного агентства по гарантиям и инвестициям. На базе Академии МВД Республики Беларусь функционирует международный учебный центр подготовки, переподготовки и повышения квалификации в сфере противодействия незаконной миграции и торговле людьми.

Транзитивные задачи деятельности непосредственно связаны с задачами обеспечения национальной безопасности в главном секторе идентичности духовно-нравственной сферы общества. Эту задачу можно успешно решать на основе механизмов исторической памяти.

Историческая память – это способность народа воспринимать прошлое страны как собственную духовную биографию. Она является важнейшим показателем зрелости исторического сознания. В условиях стабилизации социально-политической жизни в Республике Беларусь на первый план выходят задачи, связанные с развитием духовности, исторической памяти в русле сложившихся национальных традиций.

Попробуем рассмотреть проблемы современного общественного развития республики одновременно как в общетеоретическом плане, так и через призму обучения и воспитания студентов, готовящихся к продуктивной общественной

деятельности – работе в органах внутренних дел. Так, курсанты Академии МВД Республики Беларусь в своей будущей профессиональной деятельности будут непосредственно связаны с обеспечением правопорядка, работой с населением. Поэтому в структуре личности сотрудника органов внутренних дел должны доминировать адекватные задачам общественного развития мировоззренческие приоритеты, сформировать которые невозможно вне историко-культурного контекста. Эти задачи решаются во взаимосвязи воспитательного и образовательного процессов.

Образовательное направление реализуется, как известно, в учебном процессе. В нем заложены широкие возможности для формирования зрелой гражданской позиции, профессиональной гордости и устойчивого интереса к историческому прошлому. Особую роль играют дисциплины социально-гуманитарного цикла. Для объяснения происходящих социальных трансформаций будущему сотруднику ОВД с высшим образованием необходима цельная научная картина мира, методологические знания. Курсанты должны уметь соотносить общечеловеческие, региональные и национальные исторические ценности, идеалы, традиции. Им важно приобрести навыки исследования особенностей историко-культурного и политико-правового процессов в Беларуси с использованием тех методологических средств, которыми располагает сегодня наука. Философия как базовый курс социально-гуманитарного цикла дает возможность приобрести такие знания, умения и навыки.

В исторической памяти народа сохраняются и передаются из поколения в поколение специфические механизмы преемственности между этапами социокультурного развития, в ней фиксируются также этические основания взаимоотношения социальных групп. Концентрированным выражением исторического духовного опыта становятся философские подходы, в которых апробированы способы анализа этих явлений. Остановимся на некоторых из них.

Идея гуманизма сложилась в европейской культуре в эпоху Возрождения. В философии Беларуси этого периода она была представлена с учетом местных задач и особенностей. Так, например, Ф. Скорина дал гуманистическую интерпретацию библейским текстам, акцентировал общечеловеческое содержание национальных ценностей. Н. Гусовский интересовался проблемами человека в аспекте взаимодействия различных типов рациональности. Он выделил архаический, сословно-групповой, буржуазно-предпринимательский типы мышления, показал их особенности и перспективы с точки зрения видения национальных интересов. С. Будный сформулировал проблему свободы как право выбора, основанного на знаниях. Он полагал, что владение духовной культурой, понимание христианской традиции создает необходимую основу выбора, в том числе и конфессионального. Правовые аспекты гуманизма исследовали Л. Сапега, А. Волан. В Новое время С. Полоцкий, отдавая предпочтение разумным способностям человека, высказал идею о моральном измерении истины, призывал руководствоваться нравственными нормами, что весьма актуально и в наше время. Таким образом, в основании

белорусской культуры гуманистические идеи сочетают и предполагают рациональность, научность, практицизм.

Посредством осмысления гуманистического содержания философских теорий решаются конкретные задачи воспитательного процесса. Через обращение к исторической духовной традиции в сознании курсантов должно закрепиться понимание того, что человеческое отношение к людям ускоряет раскрытие преступлений, обеспечивает эффективность профилактической работы, способствует созданию положительного образа сотрудника органов внутренних дел в обществе.

Специфика формирования и функционирования исторической памяти в белорусской культуре во многом определяется проблемой самоидентификации народа. Задача национального самоопределения инвариантно воспроизводится в историческом процессе и на каждом его этапе приобретает содержательное своеобразие, от которого зависят характер и направленность духовной, политической, социальной деятельности.

В настоящее время проблема национальной самоидентификации актуализируется в связи с четко сформулированным политическим курсом Республики Беларусь на национальную независимость, определение национальных интересов. В официальных политических документах указывается, что национальная идея должна основываться на осознании народом своей государственности и первичности национальных интересов. А такое осознание включает фундаментальные понятия – Родина, патриотизм, народ, история, культура. Политический курс Республики Беларусь соответствует международным конституционным нормам. Реализация поставленных задач тесно связана с обращением к историческому опыту, изучением путей становления и самобытных оснований исторической памяти.

Применительно к исследованию исторического аспекта бытия культуры феноменологическая методология акцентирует поиск механизмов связи прошлого, настоящего и будущего через жизненный мир человека. В основании культуры, полагает Э. Гуссерль, содержится первичная интенция, придающая значение и смысл социальной жизни [см.: 3]. В исторической перспективе она воплощается с помощью специфических для каждой стадии жизни общества средств и методов. Забвение или искажение первичной интенции могут привести к социальному напряжению, кризисным явлениям в культуре.

В истории Беларуси были примеры раздвоенности между народными массами как основными носителями культурной направленности и элитой, претендующей на освоение неадаптированного к местным условиям регионального опыта. Так, в XVIII в. воплощение в жизнь идей промышленной революции, выразившееся в строительстве мануфактур, не имело социальной направленности и не повлияло на благосостояние народа. Не смогла воспользоваться результатами промышленной революции и местная элита (магнаты), поскольку в этом процессе она не видела экономических оснований, а находилась под влиянием европейских идей.

В современной Беларуси политическое руководство акцентирует роль народа как основного носителя социокультурной идентичности и создает

необходимые условия для конституирования этой идентичности в системе гражданско-правовых актов, отражающих первичную интенцию единства народа и представляющей ее политической элиты, что продолжает традицию естественного права, заложенную гуманистами разных эпох. На основе анализа понятий ответственности, закона, свободы, государства, федерализма ими была разработана уникальная методология системного подхода к созданию правовых актов с учетом их политического, экономического и гражданского приложения. Так, М. Литвин считал, что в создании правовых актов важно не только опираться на науку, но и учитывать нравы, обычаи, традиции народов, населяющих страну. Его выводы сохраняют актуальность, поскольку культурные различия являются неотъемлемой составной частью идентичности.

В рамках герменевтического подхода настоящее интерпретируется через традицию и выражающий ее язык [см.: 1, р. 35]. Важнейшие функции социокультурной традиции заключаются в обеспечении социальной стабильности и преемственности в общественной жизни и деятельности, в создании необходимых условий и предпосылок для успешного осуществления инноваций. Социальные традиции аккумулируют наиболее значимые для региональной и национальной культуры ценности. Для Беларуси это ценности народности, этатизма, социальной справедливости, равенства, толерантности.

Способность переживать прошлое как настоящее выражается в персонификации истории, в визуализации ключевых памятных событий. Об этом свидетельствуют богатые отечественные традиции художественно-литературного творчества по проблематике Великой Отечественной войны, опыт исторической реконструкции оборонительных рубежей и придания им историко-воспитательного значения и роли. Актуализация семейных, религиозных, профессиональных традиций – важное условие эффективности профилактической работы по предупреждению явлений вандализма, национальной или религиозной нетерпимости, имеющих место в современном мире.

Смысл и структуру герменевтического опыта составляет языковая коммуникация между современностью и преданием. Приемы философской герменевтики развивали С. Будный и Ф. Скорина при переводе Библии, А. Волан и Л. Сапега при работе над Статутами Великого княжества Литовского. Язык и его функции исследовал М. Смотрицкий. Свободно владея греческим, латынью, польским, немецким, старославянским, белорусским языками, он сумел максимально приблизить свои теоретические воззрения к образованию – создал «Грамматику», преподавал философию на латинском языке.

Исследования, проводимые курсантами в рамках данного подхода, необходимо ориентировать на изучение проблемы контроля над сферой, где особенно активно разрушаются культурные традиции, духовный мир личности, язык, межличностная коммуникация. Имеется в виду свободный доступ в Интернет, формирование кибернетического пространства, виртуальной реальности, технизация досуга и быта, вестернизация речи, общения, характерные для молодежной среды. Безусловно, с точки зрения будущей

профессиональной деятельности курсанты должны квалифицированно освоить приемы работы с современными техническими носителями информации и овладеть правилами компьютерной этики. Одновременно им необходимо выработать внутренние механизмы защиты от информационных потоков, научиться анализировать причины компьютерной зависимости, некритичного заимствования западных моделей общения и поведения, роста агрессии, перевозбуждения сознания и предвидеть их последствия для стабильности общественного порядка.

Идеология белорусской государственности сфокусирована на аспектах устойчивости и стабильности общества в условиях повышенной динамики его развития, поэтому особое внимание в курсе философии уделяется понятиям социальной системы и социальной структуры. Структурно-функциональный подход позволил сделать их исследование более глубоким.

Социальная система очерчивает пространство, в границах которого формируются характерные для данного сообщества идеи, традиции, ценности, нормы [см.: 5]. Социальная структура отражает возможности организации и самоорганизации системы как важнейшего ее фактора. В европейской культуре самоорганизация традиционно связывается с государственностью, устойчивой вертикалью власти, гражданским обществом.

В связи с динамичным инновационным развитием Республики Беларусь главой государства неоднократно акцентировалась установка на активизацию роли институтов гражданского общества и излагались принципы их функционирования. Среди них – солидарность всех сил общества; взаимодействие властных структур, общественных институтов и всех традиционных религиозных организаций; социальное партнерство государственных органов и общественных объединений; развитие органов самоуправления, создание возможностей для проявления творческой инициативы и самостоятельности граждан в решении вопросов государственной и общественной значимости.

Гражданское общество должно формироваться на национальной почве, опираться на имеющийся исторический опыт, тогда оно будет заниматься тем, что важно и нужно согражданам, отечеству. Все большую роль должны играть такие инструменты самоорганизации и самоконтроля, как местные Советы, профсоюзы, молодежные, женские и ветеранские организации. Эти институты гражданского общества самые массовые, в их рамках каждый может найти нишу для проявления инициативы. При этом гражданское общество не является структурой, противопоставляющей себя государству.

В контексте профессиональной подготовки курсантов важным исследовательским моментом становится анализ явлений, связанных со взаимодействием социальных групп. Среди них – нигилизм, неприятие правопорядка в молодежной среде, механизмы становления маргинальных групп в социальной структуре. В значительной степени они связаны с процессами урбанизации и ослаблением функций исторической памяти.

Использование теоретических философских моделей в учебном процессе и научно-исследовательской работе курсантов способствует не только

констатации факта наличия отечественных культурных традиций и способов отражения их в исторической памяти, но и приобретению навыков научного сравнения их с традициями соседних народов.

Духовно-нравственные структуры воспитательного процесса должны быть сопряжены с контекстом индивидуализации. С одной стороны, историческое действие, событие имеет «собственный ритм», свою хронологическую структуру; с другой – в индивидуальном ритме уже закодирована эпоха (социокоды), т. е. то реально общее, которое пытается выявить историческая наука.

Классическая методология в попытке разделения общего, универсального и единичного, индивидуального сужала понятийное поле науки до статуса лишь теоретического (содержательного) моделирования. Современная историческая наука, в частности, М. Блок, предлагает использовать это понятийное поле в инструментальном ключе с учетом того, что понятия не несут готового содержания, а требуют особой процедуры соотнесения его с индивидуальным. Эти понятия отражают, реконструируют лишь культурный фон, который сопровождал конкретное событийное действие и определял сознание его агента. В силу этого они выполняют функции прояснения онтологического поля истории, исследуя которое ученый может выявить как закономерность процессов, так и их случайность, модификацию.

В неклассической исторической науке процедура интерпретации рассматривается через согласование ее с собственным ритмом истории, детерминируется культурным фоном с двух позиций. Во-первых, контекстуальным уровнем, когда историческое знание аккумулирует в себе в снятом виде культурно-исторический фон. Развернуть этот феномен – значит с необходимостью его рационализировать, эксплицировать. Во-вторых, обнаруживается вторичный, но весьма существенный уровень интерпретации, уровень актуальной детерминации. В этом случае интерпретация задается непосредственно, в пространстве субъект-объектного взаимодействия. Она определяется содержанием ценностно-смысловой сферы, приоритетами сознания агента интерпретации и тем самым выбирает тип декодирования исторического феномена.

Теоретические понятия истории необходимы не столько для того, чтобы фиксировать результат эмпирического исследования, сколько для того, чтобы помочь курсанту увидеть историю живой, реальной. Инструментальный смысл понятий в таком исследовании очевиден. Тем не менее, функциональность его должна быть дополнена и содержательными аспектами. Поэтому инструментальный характер исторических понятий предполагает тесную связь между раскрытием смысла исторической реальности и конкретным пространством-временем. Эта связь подчиняет себе искусственное деление наук.

История может быть экономической, социальной, культурной, политической лишь в смысле акцента на содержание реальных связей. Сама же по себе, вне абстрагирующей и моделирующей способности человеческого разума, она есть живая целостность. Курсанту тяжело при акцентировании

внимания на экономизме или психологизме сохранить эту целостность, в чем и состоит его ответственность. Она усиливается фактором свободы поиска. Свобода возможна и необходима благодаря инструментальной функции теоретических понятий. Узловые понятия типа времени концентрируют внимание курсантов на определенном языковом поле истории, культуры. Выбирать в этом поле смысловые единицы – задача курсанта. Так формируются навыки самостоятельной работы.

Таким образом, в геополитическом плане для белорусской подсистемы восточно-европейского региона характерно сочетание установок на национальное самоопределение и идей федерализма, учитывающего региональные ценности в культурном развитии. Соседние государства демонстрируют особые собственные технологии формирования единого геополитического пространства.

На этом фоне эффективность интеграционных процессов зависит не только от желания, но и от умения координировать усилия и предлагаемые программы. Диалог между заинтересованными сторонами возможен на основе не столько эмоционально-чувственных аргументов об особом дружественном настрое славянской души, сколько на основе прагматического и научно-рационального подходов как наиболее убедительных в современную эпоху. Практические навыки и методологические способы реализации таких подходов и обеспечивает изучение курса философии.

Информационное поле современного образования в силу открытости социальной системы включило в себя разнообразные концепции, теории, идеи как западного, так и восточного происхождения. Курсанты не имеют достаточной научной базы и могут воспринять то или иное направление как единственно истинное.

Особенной популярностью у молодежи сегодня пользуются религиозно-философские системы Индии, Китая, Японии. Их привлекательность обусловлена повышенным вниманием к человеку в психологическом, этическом, эстетическом аспектах его бытия. Предлагая курсантам задания по восточной философии, преподаватели должны подчеркивать, что существует специфика в духовных основаниях восточных цивилизаций. Она заключается в ориентации на разработку гибких методик работы с психикой человека. Поэтому некритичное заимствование идей из духовного пространства Востока может оказывать не только положительное, но и отрицательное воздействие на молодых людей. С последствиями такого влияния сегодня сталкиваются сотрудники органов внутренних дел.

В развитии белорусского общества традиционно большую роль играют трансграничные факторы, способствующие его демографической, социально-политической, духовной стабильности. Приоритет человеческих контактов создает атмосферу культурного плюрализма, веротерпимости, толерантности. Трансграничная атмосфера общественной жизни нашла свое отражение и в белорусской философии.

Начиная с эпохи Возрождения интеллектуальная культура страны формировалась с участием приграничных регионов Украины, России, Польши,

Литвы. Особенно важную роль играли контакты между регионами, где традиционно проживали восточные славяне – белорусы, русские, украинцы. Эти связи проявились в культурно-духовной деятельности выходцев с Волыни братьев Зизаниев, старца Артемия и старообрядцев белорусско-российского приграничья, И. Федорова и П. Мстиславца, С. Соболя, С. Полоцкого.

Мало изученными является трансграничный феномен культуры казачества и философии вольнодумства. Он незримо соединяет историю Восточной Европы в единое региональное пространство социальной философии, основанной на принципах православия, соборности, ответственности, патриотизма.

Когда оторвавшиеся от славянских корней политические элиты стремились в Европу, казаки от Беларуси до Кубани, а затем Кавказа, Урала, Сибири, дальнего Востока донесли мировоззрение регионального родства. Они не только заложили основу евразийства как новой цивилизации, но и выработали собственный стиль в европейской культуре. Казачество формировало представление о трансграничности как умелом сочетании региональных и исторических интересов. Казаки во многом определили региональные особенности России, причем настолько ярко, что они проявляют себя до сих пор. Уникальность этого феномена заключается в идее общенационального патриотизма, который глубоко сочетается со славянским родством восточноевропейских культур.

References

1. Gadamer H.-G. *The Relevance of the Beautiful and Other Essays*. UK, Cambridge University Press, 1986, 220 p.
2. Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Simon & Schuster, 1996, 368 p.
3. Husserl E. *The Phenomenology of Internal Time Consciousness*. USA, Indiana University Press, 1964, 188 p.
4. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London, Sage Publications, 1992, 211 p.
5. Skidelsky E. *Ernst Cassirer: The Last Philosopher of Culture*. Princeton, Princeton University Press, 2008, 308 p.

УДК 130.2

Культура праздника: между игрой и не-игрой*

Лаврикова Ирина Николаевна – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя», Тверской филиал, кафедра правовой и гуманитарной подготовки, доцент, доктор культурологии, кандидат философских наук, Тверь, Россия.

E-mail: ilavrikova@rambler.ru
170012, Россия, Тверь, ул. Кривичская, 12,
тел.: 8-905-606-9449.

Аннотация

Состояние вопроса: Праздник – мерило человечности и один из источников упорядочивания бытия: переживая упадок в отдельные периоды истории, он не исчезает совсем, более того, считается наиболее древним из постоянно воспроизводимых форм общественной жизни.

Результаты: В современной теории культуры сложилось довольно большое разнообразие подходов к таким вопросам, как сущность праздника, его социальная и политическая значимость, связь с другими сторонами общественной жизни и т. п. В рамках этих подходов обсуждаются следующие проблемы: праздник и переживание счастья; игра как безопасная тренировка и отработка «будущих серьёзных дел» человеческой жизни; игра и катарсис; игровые (внутренние) и внеигровые цели игры; взаимодействие игры и праздника; игра, праздник и ритуал; игра и свобода; игра, праздник и революция; игра, праздник и социальное творчество; игра и фантазия; политизация игры и праздника. В существующих культурфилософских концепциях до сих пор не разработано конкретной методологии изучения праздника.

Выводы: Как средство для иных, неигровых целей, игра, включенная в систему «праздник», способствует реализации его основных задач: воспитывать, передавать человеческий опыт, отдыхать от будничного и т. д. Внимание к празднику как самостоятельному институту способствует не только сохранению опыта прошлого, но и прогрессу современных форм праздничных отношений.

Ключевые слова: власть; игровое; идеология; культура; методология праздника; неигровое; политическое; общество; ритуал.

Holiday Culture: Between Game and Non-Game

Lavrikova Irina Nikolaevna – Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikoty, Tver branch, Department of legal and

* © И. Н. Лаврикова, 2018

humanitarian training, associate professor, doctor of cultural studies, Ph. D. (Philosophy), Tver, Russia.

E-mail: ilavrikova@rambler.ru
12 Krivichskaya ul., Tver, 170012, Russia,
tel.: +7-905-606-9449.

Abstract

Background: Holiday is a measure of humanity and one of the sources for the regulation of being. Experiencing decay in certain periods of history, holiday does not disappear completely; moreover, it is considered the most ancient of the constantly reproducible forms of social life.

Results: In the modern theory of culture, there is quite a wide variety of approaches to such issues as the essence of holiday, its social and political significance, communication with other aspects of public life, etc. Within the framework of these approaches, the following aspects are discussed: holiday and happiness experience; game as a safe training and working out the "future serious affairs" of human life; game and catharsis; internal and external game goals; game and holiday interaction; game, holiday and ritual; game and freedom; game, holiday and revolution; game, holiday and social creativity; game and fantasy; politicization of game and holiday. In the existing cultural-philosophical concepts, a specific methodology for studying holiday has not been developed yet.

Conclusion: As a means for other non-game purposes, game included in the "holiday" system contributes to the realization of its main tasks: educating, sharing human experience, relaxing from everyday life, etc. Interest in the holiday as an independent institution promotes not only the preservation of past experience but also the development of modern forms of holiday relations.

Keywords: power; game; non-game; ideology; culture; holiday methodology; political; society; ritual.

Сфера игрового является основой большого количества социальных отношений, в том числе и порожденных праздником. Попробуем подробнее разобраться в «лабиринтах» взаимозависимости «игра – праздник», уточняя границы влияния данных институтов на становление и развитие процессов внутри указанных систем, а также определить степень наложения природных конструкторов этих древнейших механизмов культуры на «территории праздника». На мысль о тесной связи данных феноменов натолкнули публикации Й. Хейзинги, Е. Финка, А. Б. Демидова, Л. Т. Ретюнских и др. Они и позволили сформулировать, а затем аргументировано доказать правомочность существования такой связи.

Итак, по порядку. Выясняя человеческую способность понять бытие, рассмотреть «многообразное сущее», постичь «очертание вещи», Е. Финк [12, с. 358–364] характеризовал наш разум как небезразличный по отношению к основным феноменам нашего существования, к тому, что определяет и обуславливает наше бытие, а именно: бремя труда, острота борьбы (господство), муки любовного томления и тень смерти. Далее, анализируя

«перескакивание через... condition humaine» с помощью фантазии, он писал о ее проникновении во все сферы человеческой жизни, при этом оставляя за собой право на обладание «особым местом, которое можно счесть ее домом» – игрой. Более того, Финк называет игру пятым из основных феноменов человеческого существования, охватывающим «всю человеческую жизнь до самого основания», овладевающим ею до такой степени, чтобы значительно повлиять, определить «бытийный склад человека... Она пронизывает другие основные феномены человеческого существования, будучи неразрывно переплетенной и скрепленной с ними».

Процедура исследования позволяет проанализировать некоторые особенности игры, чтобы обосновать существование связи «игра-праздник» и выяснить причины ее устойчивости. Ведь фактически, по нашему мнению, все проявления игры тождественно «накладываются» на те «проживания», которые дарует людям праздник.

Одной из первых таких особенностей Е. Финк называет счастье как «конечную цель человека», как то, что мы пытаемся «заработать, завоевать, залюбить». И только игра, находящаяся «в стороне от всякого беспокойного стремления», не имеет никакой цели, аккумулируя в самой себе и цель, и смысл. «Игра – не ради будущего блаженства, – констатирует Е. Финк, – она уже сама по себе есть “счастье”, лишена всеобщего “футуризма”, это дарящее блаженство настоящее, непредумышленное свершение». И даже если игра содержит «моменты значительного напряжения», все равно, «со своими волнениями, со всей шкалой внутреннего напряжения и проектом игрового действия, никогда не выходит за свои пределы и остается в себе самой». Вполне справедливо с таких позиций Е. Финк называет игру «оазисом счастья», буквально, чарами и оазисным счастьем «в пустыне и бессмысленности современного бытия». И тут с ним нельзя не согласиться, что, не сплетая игру «с прочими жизненными устремлениями», делая ее бесцельной, мы начинаем находить в ней «малое, но полное в себе счастье». В таком случае проживание праздничного счастья даруется нам в значительной мере именно благодаря акту обыгрывания (при условии, что обыгрывается не святое, но допустимое моралью).

Следующая игровая особенность, которая накладывает отпечаток на праздник – это игра как безопасная, нерискованная тренировка и отработка «будущих серьезных дел нашей жизни». Действительно, по Е. Финку [12, с. 365–366; 370; 381], игра подготавливает «...сначала посредством ни к чему не обязывающих проб-поступков и способов поведения, которые позднее станут обязательными и неотменимыми». Далее, Е. Финк отмечает, что «новые» игры изобретаются не очень часто, но есть и «творческое изобретение новых игр... Однако мы играем не потому, что в окружающем социуме имеются игры: игры наличны и возможны лишь потому, что мы играем в сущностной основе своей».

Видимо, есть еще одна, исключительно игровая особенность, которая праздник как институт отношений окрашивает серьезностью, вливая «многие смысловые мотивы в жизненные сферы труда и господства». Многообразно

экспериментируя на игровом поле, пробуя, человек как бы «нащупывает» границы возможного, которые впоследствии перерождаются в твердые нормы, обычаи, обязательные правила. Похищая нас из мира привычного и будничного, где мы существуем «в суровости и тягости труда, в борьбе за власть», игра, рассуждает Е. Финк, словно возвращает нас «к бездонно-радостной, трагикомической серьезности, в которой мы созерцаем бытие словно в зеркале» [12, с. 381].

А. Б. Демидов [4, с. 25–26], исследуя игру, дополняет представления о ее природе другими характеристиками. Например, он акцентирует внимание на воодушевлении и облегчении, свойственных игровому процессу, и предлагает обозначить эти состояния термином Аристотеля – «катарсис». А. Б. Демидов ссылается на известные практики «очищения души», которые проводились пифагорейцами в музыкальном сопровождении. На сходную зрительскую реакцию (в виде катарсических состояний) при просмотре театральных трагедий указывал Аристотель. Будучи непосредственным свидетелем происходящего, он, видимо, имел основание утверждать, что «...сопереживание и ужас, испытываемые зрителями, очищают их души от аффектов». «Нетрудно заметить», – подытоживает А. Б. Демидов, что «очистительное воздействие произведений искусства, выявленное античными философами, свойственно всякой игре вообще».

Исследуя саму игру как средство, содержащее не только цели, внутри нее самой обозначенные (вводится понятие «внеигровые цели»), А. Б. Демидов связь «цели игровые – цели внеигровые» упорядочивает в виде классификации [4, с. 29], согласно которой цели игры бывают:

1) имманентные:

- соревнование;
- представление (в виде репрезентации и воображения);

2) внешние:

- ставка;
- престиж, почет;
- вмешательство мистических сил;
- обучение, тренировка;
- выявление судьбы, воли богов;
- проведение досуга;
- самоутверждение.

Игра именно в силу ее структурной упорядоченности дает человеку возможность «как бы плыть по ее течению и таким образом избавляет его от тревог, свойственных обыденной “неорганизованной” жизни. Поэтому у человека возникает спонтанное стремление к повторению, возобновлению игры...» [4, с. 24].

В начале статьи указывалось, что наш исследовательский интерес вызывает степень наложения или взаимовлияние игры и праздника. Классификация, предложенная А. Б. Демидовым, как нельзя лучше показывает, насколько серьезно игра формирует цели праздничного мероприятия. Итак, игра в состоянии «вне игры», то есть игра как средство внеигровой цели,

предполагает перенос всех ключевых ее особенностей на «территорию» праздничного явления. В данном случае и то, что мы называем элементами ритуала (с участием мистических сил), и оттачивание традиций («обучение, тренировка»), и процессы социализации (формирование статуса, в классификации – «престиж, почет», «самоутверждение») и пр. Фактически, как средство для иных, неигровых, целей, игра, включенная в систему «праздник», способствует реализации его основных задач: воспитывать, передавать человеческий опыт, отдыхать от будничного и т. д.

В связи с тем, что праздник интересен нам, прежде всего, как явление политическое [см.: 7], вновь обратимся к текстам Е. Финка, особенно в части, затрагивающей коммуникативное пространство игры, или «праздничного игрища», где «сообщество празднующих», преображено «в сообщество созерцающих, которые осмысленно созерцают отраженный образ бытия и приходят к предчувственному про-зрению того, что есть» [12, с. 400–401].

Отметим, что именно праздник, по предположениям Е. Финка, становится изначальной формой игры как коллективного действия. Такой вывод представляется неслучайным, ведь «...человек играет тогда, когда он празднует бытие», а общий строй игры носит праздничный характер. Действительно, только праздник способен прерывать «череду отягченных заботами дней», отграничивать «от серого однообразия будней», отделяться и возвышаться «как нечто необычное, особенное, редкое». Кроме того, праздник недостаточно определять, противопоставляя будням, так как он «...имеет значение и для будней, которым необходимы возвеселение, радость и про-яснение». По мнению Е. Финка, праздник намерено извлекается из потока повседневности: обладая функцией замещения, он становится своего рода маяком, эту повседневность озаряющим.

Кроме того, праздник «был могучим прорывом творческих игровых сил человеческого существа», а праздничная игра – «корнем и основанием» искусства. Оно буквально «вырастает» из желания украсить жизнь ярче, чем в этом нуждалась обыденность.

Исследования праздника как бы «в поле игры» или «через игру» невозможны без тщательного анализа феномена игры, выполненного Л. Т. Ретюнских [11, с. 78–81]. При этом часть анализа была посвящена взаимосвязям игры и ряда феноменов, определенным образом выбранных Л. Т. Ретюнских. Предлагаем выполнить движение обратное: во-первых, проанализируем феномен игры как то, что сопредельно празднику, а далее явления, имеющие отношение к этому феномену, рассмотрим во взаимосвязи с праздничным действием.

Л. Т. Ретюнских исследует схожесть игры и ритуала. Она считает, что подобная схожесть «обманчива как внешняя противопоставленность игры и работы», что «...игровая реальность, осуществляющаяся и оформляющаяся через деятельность одновременно локальна и всепроникающа. <...> Ритуал ни в коем случае нельзя считать игрой до тех пор, пока субъект действия не противопоставит его подлинному бытию. Но историческая и культурная практика свидетельствует о том, что как раз ритуальные действия обладают в

человеческом восприятии гораздо большей степенью подлинности и значимости, нежели иные формы бытия и, тем более, игра» [11, с. 78].

Л. Т. Ретюнских обращается к восточной философской традиции, в которой ритуал тщательно осмыслялся, а ритуальная культура считалась культурой «нераспространенности игры». Ведь «ритуал – основа любого священнодействия, чем больше ритуалов, обязательных для исполнения, тем сама жизнь ближе к священнодействию, т. е. к соединению человека с трансцендентным бытием» [11, с. 78]. Исследуя природу ритуала, автор проводит любопытные аналогии между мнениями великих конфуцианцев и кантовскими категорическим и гипотетическим императивами по указанному предмету. Несмотря на колоссальный временной разрыв, мыслители сходны во мнении, что ритуал – это, прежде всего, порядок.

Порядок, как известно – гарант благополучия в любом государстве, его же обеспечение осуществляется соблюдением ритуала, при этом «ритуал – не просто основа жизни, он есть еще и сущность человека». Согласно конфуцианскому канону, «...ритуал и долг суть великие врата, выводящие к небесному пути, дающие выход человеческим чувствам» [5, с. 129]. Таким образом, ритуал более значим, поликультурен: он – не только основа социального, но и влияет на формирование личностного.

Л. Т. Ретюнских подытоживает: «Если долг понимать как сущностное основание жизни и морали, то ритуал есть его внешнее проявление, качественная определенность, оформленность». По И. Канту, категорический императив есть «сущность, порождающая долг», а гипотетический – формализация конкретных правил поведения человека, обеспечение устойчивого порядка и то, что «создает разные формы осуществления этого порядка (ритуалы)». Так что же такое ритуал? «Порядок? Да. Правила? Да, и очень строгие. Игра? Нет, – жизнь, подлинная реальность» [11, с. 79].

Приведенные высказывания в сочетании с анализом исторических событий в Советской России позволяют специально рассмотреть вопросы о неслучайности ритуала и, более того, о процедуре ритуализации праздника как политической необходимости. Согласно «Ли-цзи»: «Чтобы разрушить царство, погубить клан, извести человека, нужно, прежде всего, искоренить ритуал» [5, с. 109]; по мнению Л. Т. Ретюнских, ритуал есть своего рода «залог существования самой реальности в ее конкретно оформленных проявлениях» [11, с. 81].

Чтобы разобраться в сложившейся проблеме, предлагаю вновь, более пристально «вглядеться» в управленческий опыт Страны Советов. То, что разрушение ритуала разрушает жизнь, как показывает история, отчетливо представляли руководители молодого советского государства, возможно даже по наитию. Вспомним, как на момент воплощения так называемого «нового порядка» на территории послеоктябрьской России 1917 года, совнаркомовская спецкомиссия А. В. Луначарского проделала гигантскую работу, разрабатывая «другие-иные-новые» символы, ритуалы и праздники, обязанные прижиться в народе.

Конечно, наитие было исключено, и это слово было использовано нами лишь для контраста, чтобы подчеркнуть важность «праздничной основы» всякого общества, независимо от его состояния. На тот исторический момент, когда российское государство было отягощено разрухой, нищетой и голодом, словом, находилось в социальных и промышленных «руинах», по нашему мнению, руководители молодой страны тем более не имели права на случайность. Думается, выкраивать финансы для целой развлекательной отрасли со штатом сотрудников, школой спецкадров, необходимым инструментарием было непросто, но, с другой стороны, очевидно выгодно. Очевидность эта, как думается, была обоснована предсказуемыми и значительными «политическими» дивидендами.

Исследуя природу политического праздника и значение его ритуализации, можно воспользоваться примерами конкретных отечественных практик, так как для нас это нечто родное, что-то буквально зримое и испытанное, да и сама процедура изучения и соприкосновения с такой историей (историей феномена) интересна.

Начнем с того, что праздник и праздничность, в частности, в момент революционных переломов, были (и будут всегда) предметом исследовательского интереса.

Например, в понимании Г. Маркузе [см.: 10] социалистическая революция это:

- то, что тождественно карнавалу;
- время, в котором карнавальная игра равносильна социально-политическому освобождению;
- баррикада, тождественная танцплощадке; а любовь – героизму;
- свобода, даруемая карнавалом;
- тотальное освобождение человечества через революцию-карнавал, через труд, заменившийся игрой;
- замена этического раскрепощенной чувственностью, логического и разумного – раскованным воображением.

Э. Баталов в статье «Воображение и революция» данную концепцию отвергает, аргументируя, что народной пролетарской революции также свойственен дух особой, но не карнавальной праздничности; социалистическая революция есть «праздник всенародного освобождения» и смысл ее «не только в политическом перевороте, но и в возрождении... угнетенного трудящегося, ...когда праздник (не предполагающий, разумеется, праздности) становится постоянным внутренним измерением человеческого существования» [1, с. 77–78].

В целом статья Э. Баталова, по нашему мнению, носит дискуссионный характер. При этом создается впечатление, что, оспаривая взгляды Г. Маркузе и «многих других леворадикальных теоретиков», автор откровенно выполняет идеологический заказ. Это вполне соответствовало духу политической системы СССР так называемого «периода застоя». Конечно, Г. Маркузе не нуждается в чьем-либо одобрении, но с позиций состояния современного общества его выводы кажутся более чем убедительными (уточним: автору данной статьи).

Хотелось бы к ним вернуться вновь и сделать краткую собственную выборку, заострив внимание на тех положениях, которые в определенной мере соприкасаются с исследованием института праздника:

- 1) сфера досуга и ее зависимость от политики и бизнеса;
- 2) свобода в условиях массовой культуры;
- 3) человеческая жизнь и идеология господствующей элиты.

Итак, по порядку.

1) Описывая перспективы, как он называет, «Государства Благосостояния», Г. Маркузе указывает, что они определяются «способностью к повышению уровня управляемой жизни». На это способны те государства, где налажен технический аппарат, «утвердившийся как отдельная власть над индивидами». Техническая рациональность укрепляет свои позиции настолько, что упадок свободы и оппозиции превращается в «объективный общественный процесс» [10, с. 312–313].

Важно, что следствием рациональности Государства Благосостояния становится несвобода, так как тотальное администрирование ведет к ограничению:

- свободного времени;
- количества и качества товаров и услуг первой необходимости;
- интеллекта, ориентированного на самоопределение.

Говоря о свободном времени, автор делает сноску, текст которой приводится далее дословно: «“Свободное” время не означает время “досуга”. Последнему развитое индустриальное общество максимально благоприятствует, но, однако же, оно не является свободным в той мере, в какой оно регулируется бизнесом и политикой» [10, с. 312–313].

2) Рассуждая о свободе, Г. Маркузе отмечает следующее:

- повышение уровня жизни граждан превращается в «побочный продукт политических манипуляций»;
- снижается потребность в свободе, так как управляемая жизнь считается хорошей, то есть «безопасной и комфортабельной»;
- абстрактные идеи свободы перестают быть убедительными для общества, а со стороны государства утрата экономических и политических свобод становится незначительным уроном: в обновлении институтов нет необходимости, так как имеющиеся товары и услуги даруют «удовлетворение, граничащее со счастьем».

Человека массовой культуры Г. Маркузе считает предателем надежды и губителем истины, хранимых «сублимированными образцами высокой культуры», а сферы культуры – искусство, политика, религия, философия, будучи, смешанными в СМИ, «приводятся к общему знаменателю – товарной форме. <...> Котируется не истинная ценность, а меновая стоимость».

3) Поскольку основным предметом исследования, отражаемого в данной статье, является соотношение игрового и неигрового на «территории» праздника, и мы достаточно регулярно обращаемся к «логике господствующих», представляется целесообразным составить схему зависимости власти и человеческой жизни (смерти) по выкладкам Г. Маркузе.

Представляется возможным данную схему выполнить в виде мишени, центральным «ядром» которой является руководство человеческой жизнью и смертью. Подобно концентрическим кругам, это ядро последовательно охватывают сначала круг «рациональности и производительности», затем «рациональности идеологического господства» и, наконец, «идеологии господствующего общественного аппарата» или «власти над человеком». Как Г. Маркузе пишет по этому поводу, «рациональность и производительность руководят нашей жизнью и смертью», более того, сам прогресс оценивается разрушением, а цена жизни – смертью. При этом отречение и тяжелый труд превращаются в предпосылки «удовлетворения и радости». И далее: «Бизнес должен продолжаться во что бы то ни стало, и... альтернативы утопичны». Подобная идеология порождена «господствующим общественным аппаратом», и она по сути есть «необходимое условие продолжения его функционирования и часть его рациональности» [10, с. 407].

В соответствии с вышесказанным, в поле зрения идеологов правящей элиты справедливо, с моей точки зрения, попадает революционная праздничность, которая стала предметом активного интереса и К. Маркса, и В. И. Ленина, и А. В. Луначарского. Контроль свободного времени, а, тем более, досуга был небезосновательным, и буквально пунктирно напомним его ключевые положения.

По К. Марксу, социалистическая революция провозглашает решительный разрыв с прошлым во всем том, что касается идеалов и героики проводимой пролетариатом борьбы. Это относится к традиционной (мифологической) праздничной культуре, к ее праздничным сюжетам и формам, к сложившимся в ней способам выражения праздничных эмоций и типам праздничного поведения [цит. по: 9, с. 213].

Связывая идеалы социалистической революции и смех, К. Маркс обозначал его свойством здорового и свободного человеческого духа, постоянным внутренним измерением существования людей, революцию делающих. Смех очищает и разрушает, без него пролетарская революция не окончательна, ведь смех, ирония, сатира помогает сводить счеты не только с прошлым вне себя, но и с прошлым в самой себе. Как позднее отмечал А. В. Луначарский: «...Ибо смех есть признак силы. Смех не только признак силы, но и сама сила» [цит. по: 9, с. 360].

Обобщая наблюдения и прогнозы К. Маркса, считаю необходимым оговориться, что собственно революционной эстетикой напрямую он не занимался (празднично-культурный опыт Парижской коммуны был ограниченным), но, тем не менее, представлял праздничность как некое единство героического, трагического и веселого.

Праздником и праздничностью вплотную занимался В. И. Ленин, более того, по его мнению, революция должна была «испытываться» праздником, а праздник революцией. Цитируем: «Революции – праздник угнетенных и эксплуатируемых. <...> Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс. <...> Кто в настоящий... момент сознательно способен предпочесть мирное плавание,

...пусть дождется конца революции, когда минет праздник, снова начнутся будни...» [8, с. 103–104].

Изучая праздничные концепции более позднего советского периода, нами была обнаружена, например, оригинальная интерпретация «праздничной энергии»: ленинскому сочетанию придали статус «определенно зафиксированной» словесной формулы праздничного аспекта революции. Конкретизируя ее смысл, А. И. Мазаев пишет: «“Праздничная энергия” есть, по-видимому, не что иное, как творческая субстанция, объединяющая в себе чувственно-практическую и идеально-условную деятельность масс в условиях революции. Она направлена на созидание новых общественных порядков, и обладание ею делает народ способным... на “чудеса” социального творчества. <...> Ленин не только обратил внимание на “праздничную энергию” масс в обстановке революции, но и поставил вопрос о необходимости использования ее в интересах углубления самой революции, сформулировав условие, при котором праздничность становилась бы еще более эффективным инструментом социального творчества» [9, с. 221].

С нашей точки зрения, В. И. Ленину и его соратникам удалось прочувствовать и направить «волну праздничного настроения» в «русло социального творчества»; особую, «праздничную энергию» грамотно использовать на благо революционных перемен. Эффект от преобразований, как показала история нашей страны, «продержался» почти около 70-ти лет. Много это или мало, но свидетельства кино- и фотохроники до сих пор передают тем, кто находится в просмотровом зале или у музейных стендов, настолько мощный заряд энтузиазма, сгусток счастливой усталости и искренней веры в истинность совершаемого, что поражаешься силе напора происходящего. Постановочным путём такого состояния добиться невозможно. Можно сказать, что с верой в лучшее народ, «празднующий революцию», крушил (в прямом и переносном смысле) на своем пути все. Управлять резонансным настроением – задача не из легких, но, как оказывается, вполне разрешимая (при соответствующих условиях и удачных исторических совпадениях).

В качестве одного из теоретиков ранней советской праздничной культуры интересен А. В. Луначарский [цит. по: 9, с. 230–233]. Он писал о бесспорности того, что «главным художественным порождением революции... будут народные празднества», тем более что сама революция устремляется к празднеству, ибо то, во имя чего она совершается, есть «свободная жизнь масс». И далее: «Если организованные массы... устраивают своего рода парад, ...не военный, а насыщенный таким содержанием, которое выражало бы идейную сущность, надежды, проклятия и всякие другие эмоции народа, – то те, остальные, неорганизованные массы, ...сливаются с этой, организованной, целиком, и, таким образом, можно сказать: весь народ демонстрирует сам перед собой свою душу».

Публикации А. В. Луначарского содержат прямые или косвенные указания на необходимость празднества ритуализировать, то есть, фактически, этот процесс контролировать. Например, «...до тех пор, когда социальная жизнь не

приучит массы к ...соблюдению высшего порядка, ...никак нельзя ждать, чтобы толпа сама по себе могла создать что-нибудь, кроме веселого шума и пестрого колебания...», и далее, настоящее празднество должно быть «...организовано как все на свете, что имеет тенденцию произвести высоко эстетическое впечатление» [9, с. 231–232].

Невозможно удержаться от упоминания еще одного, достаточно яркого документа [цит. по: 9, с. 233], в котором А. В. Луначарский перечисляет элементы, необходимые, по его мнению, чтобы праздник состоялся. А именно:

– готовность масс («действительный подъем масс») (1) (заметим, что нумерация перечислений, содержащаяся в скобках, введена автором данной статьи);

– праздничное настроение («известный минимум..., который вряд ли может найтись во времена слишком голодные и слишком придавленные внешними опасностями») (2);

– профессиональные организаторы (штат организаторов-помощников, которые способны внедряться в народную массу и этой массой руководить «так, чтобы естественный порыв масс и искренний замысел руководителей ...сливались между собой») (3).

Акценты, сделанные А. В. Луначарским, очень точны: объект воздействия (1), степень его подготовленности к воздействию (2) и «проводники» воздействия (3). Остальное – дело техники, в нашем случае – ритуала.

На основе имеющихся исторических хроник попробую выяснить: во-первых, насколько использование ритуала стратегически обосновывается самими политиками; во-вторых, в какой степени необходима ритуализация политического праздника как бы изнутри, с точки зрения самих организаторов мероприятия.

В ходе исследования мы считаем целесообразным сделать следующие акценты.

1) Известно, что по причине незначительного исторического праздничного опыта К. Маркс данный вид коммуникации не исследовал так глубоко, как В. И. Ленин; скорее всего, интерес В. И. Ленина к праздничным кампаниям было подкреплен масштабами их воздействия на общественное сознание.

2) В. И. Ленин не случайно отдельным термином обозначает колоссальный резерв ожидания (он называет его «праздничной энергией масс»), который демонстрирует восставшая общественность: вождь оценил коммуникативную силу революционного праздника, а также степень ее манипулятивного воздействия. О значении использования манипулятивных рычагов на массы в момент общественной перестройки говорить не приходится, в такой ситуации максимально используется любой рычаг социализации, в нашем случае важно все массовое, и это – массовый праздник.

3) Находясь в самой гуще событий, В. И. Ленин, видимо, настолько глубоко ощущал «мощь» этой праздничной энергии, что для него стало совершенно очевидной необходимость ее упорядочивания, регулирования, введения в требуемое «русло» и превращение состояния праздничности в средство управления массами.

4) А. В. Луначарский идет дальше: судя по его текстам, и тактически, как политик (в этом случае он прав), чиновник видит желательность слияния народного и политического праздников, что в перспективе даст народу ощущение полной гармонии властвующих и всего остального общества. Скорее всего, его мечты недостижимы, поскольку народный праздник в любые времена имеет некий «запал» свободы. В конце концов, народ и устраивает свой праздник либо во имя желания свободу обрести, либо во имя ликования по ее поводу. Свобода, предлагаемая на политических праздниках, всегда «ранжирована» правящей элитой, свободоносность таких заказных праздников можно поставить под сомнение.

5) Праздники, необходимость в которых видит А. В. Луначарский, носят массовый характер, и это не случайно. Несколько выше уже оговаривалось мощное социальное воздействие праздничных мероприятий, когда уже «организованные» будут вовлекать еще «неорганизованных».

6) А. В. Луначарский прямо указывает, что только благодаря ритуалу массы могут быть «приучены» на «инстинктивном» (читай, животном), уровне к порядку и ритму, рекомендованному аппаратом власти.

7) Значение ритуализации отражено в подборе и подготовке штата помощников, которые умеют «внедряться в массы», руководя ими «неискусственно», чтобы добиться слияния желаний народа и представителей власти. Задача не из легких, но в случае удачи, да еще с помощью манипулятивных техник, достигнутый эффект контроля и воспитания мог бы быть грандиозным (история демонстрировала нам подобные удачи, например, на политических праздниках Северной Кореи или Китая времен Мао Цзэдуна).

Можно выдвинуть еще один аргумент в пользу весомости ритуального воздействия: речь идет о замене старых ритуалов на новые. Представляется возможным дополнить ретроспекцию практик по части создания праздника в советском государстве, обращаясь к истории внедрения новых праздников (по сути, отвлекающих обывателя от привычных ритуальных действий). Вот как оценивает эту замену Л. Т. Ретюнских, когда пишет, что «...самая агрессивная идеологическая война была объявлена не столько содержанию христианского вероучения..., а именно, обрядовой стороне функционирования религиозной жизни. Впрочем, примерно тот же сценарий разыгрывался на Руси и в период наступления христианства на язычество в X–XI веках. Со старым ритуалом связан старый порядок, новый порядок создает новый ритуал, который наполняется сакральным смыслом, чертами священнодействия. Ритуал превращается в игру тогда, когда из сферы необходимого переходит в сферу не-необходимого, причем субъективно необходимого, несущего в себе сакральный смысл. Превращение ритуала в игру – это его десакрализация, изменение внутренних оценок, осознание и ощущение его значимости» [11, с. 82].

Согласно источникам, сама процедура внедрения нового проходила постепенно, но планомерно, необходимо оформлялась соответствующими документами после коллегиального осмысления и одобрения. Например, 23 января (5 февраля) 1918 года на заседании Совета Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина А. В. Луначарский доложил о новом, так

называемом «Красном календаре». На следующий день Совнарком принял декрет «О введении в Российской Республике западноевропейского календаря», который отменил религиозные и государственные праздники царской империи и узаконил на государственном уровне следующие: «Кровавое воскресенье» (22 января), День памяти Либкнехта и Люксембург (17 января), День Красной Армии (23 февраля), День работницы (8 марта), День в память Парижской коммуны (18 марта), «Приезд Ленина в Петроград» (16 апреля), Первомай, «Июльские дни» (16 июля), Октябрьская годовщина, День в память московского вооруженного восстания (22 декабря) и др.

13 апреля 1918 года был подписан декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции», в августе 1919 года – декрет «Об объединении театрального дела» со специальным пунктом о народных гуляньях и предписанием о создании при театральном отделе Народного комиссариата просвещения специальной секции по организации массовых гуляний и празднеств [цит. по: 9, с. 236–237].

Перед «молодым» советским массовым праздником ставилась конкретная задача: стирать различия между «возможным» и «желаемым», «настоящим» и «будущим», «будничным» и «праздничным».

Советская власть с первого и до последнего момента своего существования не оставила ни одного «кусочка» праздничного пространства без должного контроля. Митинги, манифестации, демонстрации, символика процессий и пр., кажется, абсолютно все – возможные и невозможные инновационные технологии или нововведения, атрибутика, инструментари, напрямую или косвенно относящиеся к праздникам, подвергались цензурированию, не говоря о фильтрации кадров. В общем, как подчеркивал советский исследователь праздника А. И. Мазаев, праздничность и праздничное мироощущение не могут быть явлениями частного характера, они преследуют цель «...не ухода от жизни, а, наоборот, более глубокого ее постижения, восприятия мира не с точки зрения бытовой устроенности и упорядоченности, а с точки зрения присутствия в этом мире идеального, “бесконечного” начала, ведущего в будущее» [9, с. 57].

Как утверждает Л. Т. Ретюнских, «ритуал всегда имеет под собой основание естественных, запредельных ему смыслов, он наполнен смысложизненным содержанием. Любой ритуал сопровождается верой в возможность теми или иными действиями повлиять на естественный ход событий, т. е. на жизнь...» [11, с. 83].

Согласно текстам даосских мудрецов, ритуал есть там, где не хватает искренности и естественности, где мир поделен на составляющие не естественно, а искусственно, а ритуал же призван поддерживать эту искусственность: «Ритуал – это праздник отсутствия доверия и преданности», – написано в «Дао дэ цзин» [5, с. 126]. Данная оценка в случае ее применения к советским праздникам будет особым образом «оттенять» их суть.

Осмелимся утверждать, что политический праздник является двухкомпонентной системой, состоящей из элементов, которые можно условно называть «игровое» и «неигровое». Эти компоненты достаточно тесно

переплетены, но характерные особенности каждой, их влияние на развитие праздника как института политики, а также зоны и степени влияния на человека и общество различимы. Поскольку к данным условностям буду возвращаться неоднократно, то представляется целесообразным обозначить те смыслы, которые я в них вкладываю в ходе работы.

Итак, если взять за основу высказывания вышеперечисленных исследователей, то праздник, включая в себя игру, как бы сам становится видом игры, в которую вовлечена не группа людей, но целое общество. Представляется необходимым пояснить: игра социальна по своей природе, так как ключевым фактором ее существования являются социальные связи (неприменно учтем, что в пространстве игры они временны и конечны). Игра социальна и по содержанию, потому что проигрывается являющаяся ей реальность, как материальная, так и духовная: интересы, ценности, поведенческие эталоны и пр. Отмечу, что игра, а, следовательно, и праздник выполняют коммуникативные функции. И далее, из Л. Т. Ретюнских: «...Если коммуникативность есть способ создания тех или иных конкретных форм бытия, то социальность – его условие. <...> Коммуникативность можно считать процессуальной, а социальность – фактуальной и константной характеристиками бытия, ибо в социальности сохраняется устойчивость культурных образований, которые питают и стимулируют создание новых форм человеческого бытия» [11, с. 127].

Следует напомнить, что множество отношений или действий, подразумевающих в своей структуре элементы игры, достаточно разнообразно: это могут быть соревнования, митинги, шествия и пр. Они насыщены яркими эмоциями: моделируется определенная реальность, участники охвачены – «в унисон стучат сердца» – сопричастностью к происходящему, резонансное существование их объединяет, так сказать, «замоноличивает». На данный момент важно отметить, что именно эмоциональная окрашенность игры и праздника позволяет оценивать данные феномены с позиций свободы и самодостаточности.

Игра главным образом творит неутилитарное: она не только воспроизводит, но и производит, «рождает» новые виды человеческих отношений, особых, со специфическим культурным смыслом. К ним, можно предположить, и относится праздник, дарующий людям возможность проживать ощущение праздничности. Именно поэтому в структурное пространство праздника можно включить составляющую, обозначенную как «игровое». С нашей точки зрения, благодаря «игровому» и по причине имманентности «игрового» системе «праздник», последней присущи все характеристики, свойственные игре.

Например, если основой, формирующим началом игры является фантазия, которая и обуславливает ее эмоциональный мир, то есть основания предположить, что и праздник вполне дает возможность фантазировать. Игра аккумулирует в себе часто невыраженные эмоции, нереализованные идеалы, становясь «формальным выражением или образной оформленностью глубоких, подлинных, искренних чувств. Благодаря работе фантазии эти чувства

приобретают овеществленное выражение...» [11, с. 102]. Именно на празднике человеку удастся максимально «выплеснуться», освободиться от груза повседневных проблем. Скорее всего, именно обязательная эмоциональная наполненность игрового действия делает праздник привлекательным для человеческого сообщества.

Кроме того, за счет включенности игры в пространство праздника последний дает еще и гарантированное удовольствие. В таком случае, можно говорить о его гедоническом начале. Действительно, праздник «использует» игру, а игра как процесс и состояние души в своем чувственно-эмоциональном бытии связано с удовольствием [11, с. 105]. В качестве примера можно воспользоваться высказыванием Льюиса Кэрролла о логической игре, которая «...не только служит неисчерпаемым источником развлечения (число умозаключений, которые можно вывести, играя в нашу игру, бесконечно)..., но и позволяет игроку узнать нечто новое (правда, в весьма умеренных дозах). Впрочем, вреда от этого нет, поскольку удовольствие она доставляет неизмеримо больше» [6, с. 9]. Кэрролл обозначает приятность, следовательно, желанность игры (следовательно, и праздника). Действительно, игра, а значит и праздник, источают и аккумулируют удовольствия, и именно по этой причине то, что вынуждает страдать, праздником быть не может.

Хотелось бы еще раз акцентировать внимание на том, что именно игра, несущая в себе удовольствие, являясь компонентом праздника, и становится основной причиной удовольствия, им приносимого. Возвратимся к Е. Финку, который игру ощущал бытием, порождающим удовольствие. Он писал, что «...игровое удовольствие – не только удовольствие в игре, но и удовольствие от игры, удовольствие от особенного смещения реальности и нереальности» [12, с. 366]. Кроме того, игра способна даровать особое привольное наполнение жизнью, она открывает спектр возможностей: радоваться «от воссоединения противоречий», принимать печаль и «сознательно наслаждаться бессознательным», проживать произвольность. Игра есть творческая деятельность, «блаженное настоящее, не приносящее себя в жертву далекому будущему» [12, с. 381]. Е. Финк объясняет феномен привлекательности игры, перечисляя крайние проявления удовольствия, ею даруемые, как-то: радование жизнью, наслаждение, блаженство, ожидание празднества.

С другой стороны, следует учесть, что среди игр могут быть игры и опасные. Опасность, уровень опасности, как критерии оценивания, могут диктоваться общепринятыми нормами, что становится основанием запрета на игры подобного рода. Тема запретов приводит к мысли о возможности создать некую логическую цепочку, которая сможет в полной мере отразить специфику взаимозависимости «игра – праздник».

Прежде всего, необходимо оговориться, что подобные рассуждения относятся к той части праздничных отношений, которые, согласно сценарию действия, регламентируются исключительно сферой игрового. Итак, правила праздника (в пространстве «игрового») диктуются, соответственно, правилами игры; правила игры, в свою очередь, корректируются законами морали, которая основана на требованиях социальной стабильности, призванной оберегать

человеческую жизнь. Иными словами, признавая ценной жизнь, общество формирует «механизмы социального осуществления и овеществления этой ценности – здесь и безопасность, и правовая защита и т. п. Поэтому глобальным, собственно бытийным, ограничителем игры остается все-таки мораль» [11, с. 156].

Кроме того, есть некоторые игры, «как-бы-бесцельные» по отношению к иным формам бытия. В таком случае само удовольствие, получаемое от игры (или самого процесса), «составляет ее [игры] внутреннюю единственно значимую цель» [11, с. 106]. Даже в таком случае особых противоречий в цепочке «игра – праздник» не наблюдается. Действительно, празднику всегда свойственно целеполагание, иначе искажается его природа. Мы считаем, что в такой ситуации смысловое назначение праздника (празднования) не обнаруживает и сам индивид или группа, в это праздник вовлеченные. Причин для недопонимания может быть достаточно – например, уровень образованности и воспитания, политическая подоплека, эмоциональное состояние и пр.

В данный момент уместно уточнить смысл понятия «неигровое». Итак, «неигровое» – это та часть праздничного действия, через которую возможно на общество «выводить» политические цели, идеологические задачи, явно или скрыто формировать идеалы и ценности, эталоны поведения, необходимые правящей элите.

Именно с этой позиции – сочетания «игрового» и политического («неигрового») – люди могут судить, случился ли праздник. Возникает вопрос: каковы должны быть эти пропорции, чтобы праздник удался, то есть был принят и осмыслен большинством как необходимый, самодостаточный, завершённый, зрелый?

На политическом празднике всегда присутствует (зримо и необязательно) разнообразно значимый компонент праздничного устройства. Именно присутствие органов охраны в массе празднующих позволяет говорить о проблеме баланса «игрового» и «неигрового» как о возможном (или невозможном) принятии праздничного действия всеми и согласованно.

Можно предположить, что вышеуказанный баланс становится одной из (среди прочих) причин присутствия «праздничной охраны», а именно:

– во-первых, празднующих необходимо оберегать, предотвращая преступные действия «в прямом смысле» или «чистом виде», когда существует опасность воспользоваться скоплением народа, рассредоточенным вниманием отдыхающих, рассеянностью или расслабленностью от полученных удовольствий;

– во-вторых, учитывается проявление откровенно политического: праздник может служить площадкой для агитации за смену существующего порядка или правящей элиты. В таком случае органы охраны предотвращают политические преступления, локализуя преступников «по политической», что вполне возможно по природе праздника как «территории свободы», особенно, если корни праздника – народные.

Зададимся целью сравнить праздничные пропорции игрового и политического. При этом предположим, что компонент политический, то есть «неигровой», выражен объемнее, а именно:

– необходимо учитывается ситуация, при которой праздник может выйти за пределы рекомендованного, срежиссированного состояния, вследствие чего высока вероятность утратить контроль за поведением вовлеченной в него массы людей;

– праздник тщательно ритуализируется, становясь своего рода «каналом» манипулятивного воспитания, что также свидетельствует о значительной доле политического.

В таком случае приемлемо предложить еще одну классификацию праздников [см.: 1; 2] – по степени политизации:

– политические праздники: максимум ритуализации как провозглашение и поддержание существующего порядка;

– неполитические праздники: в большей степени разрешается «игровое», чтобы массы получили откровенное удовольствие. Подобное действие сложнее организовать: без должного контроля со стороны правящих элит праздничная ситуация грозит перерасти в бунт недовольных. В таком случае мы имеем тщательно камуфлированные политические ритуалы.

Таким образом, чем более праздник подконтролен, тем в нем меньше игры, тем более он непонятен и, следовательно, тем больше снижается степень настроения и удовольствий, от него получаемых. Но именно в этом видится ключевое назначение праздника, и именно игровое начало по сути дает жизнь данному культурному институту.

Список литературы

1. Баталов Э. Воображение и революция // Вопросы философии. – 1972. – № 1. – С. 68–80.
2. Бенифанд А. В. Праздник: сущность, история, современность. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1986. – 142 с.
3. Генкин Д. М. Массовые праздники. – М.: Просвещение, 1975. – 140 с.
4. Демидов А. Б. Феномены человеческого бытия. – Минск: Армита – Маркетинг, Менеджмент, 1997. – 192 с.
5. Древнекитайская философия: Собрание текстов: В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – 361 с.
6. Кэрролл Л. Логическая игра. – М.: Наука, 1991. – 192 с.
7. Лаврикова И. Н. Политический праздник в системе культуры. – Тверь: Колледж им. А. Н. Коняева, 2013. – 242 с.
8. Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 11. – М.: Издательство политической литературы, 1960. – С. 1–131.
9. Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. – М.: Наука, 1978. – 392 с.

10. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: Издательство АСТ, 2003. – 526 с.

11. Ретюнских Л. Т. Философия игры. – М.: Вузовская книга, 2002. – 256 с.

12. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии: Переводы. – М.: Прогресс, 1988. – С. 357–403.

References

1. Batalov E. Imagination and Revolution [*Voobrazhenie i revolyutsiya*]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 1972, № 1, pp. 68–80.

2. Benifand A. V. Holiday: Essence, History, Modernity [*Prazdnik: suschnost, istoriya, sovremennost*]. Krasnoyarsk, Izdatelstvo Krasnoyarskogo universiteta, 1986, 142 p.

3. Genkin D. M. Mass Holidays [*Massovye prazdniki*]. Moscow, Prosveschenie, 1975, 140 p.

4. Demidov A. B. Phenomena of Human Existence [*Fenomeny chelovecheskogo bytiya*]. Minsk, Armita – Marketing, Menedzhment, 1997, 192 p.

5. Ancient Chinese Philosophy: Collected Texts. In 2 vol. Vol. 1 [*Drevnekitayskaya filosofiya: Sobranie tekstov. V 2 t. T. 1*]. Moscow, Mysl, 1979, 361 p.

6. Carroll L. Logic Game [*Logicheskaya igra*]. Moscow, Nauka, 1991, 192 p.

7. Lavrikova I. N. Political Holiday in the System of Culture [*Politicheskiy prazdnik v sisteme kultury*]. Tver, Kolledzh imeni A. N. Konyaeva, 2013, 242 p.

8. Lenin V. I. Two Tactics of Social-Democracy in the Democratic Revolution [*Dve taktiki sotsial-demokratii v demokraticheskoy revolyutsii*]. *Polnoe sobranie sochineniy. Izd. 5. T. 11* (Complete Works. Issue 5. Vol. 11). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–131.

9. Mazaev A. I. Holiday as a Social and Artistic Phenomenon [*Prazdnik kak sotsialno-khudozhestvennoe yavlenie*]. Moscow, Nauka, 1978, 392 p.

10. Marcuse H. Eros and Civilization. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society [*Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyy chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrialnogo obschestva*]. Moscow, Izdatelstvo AST, 2003, 526 p.

11. Retyunskikh L. T. Philosophy of Game [*Filosofiya igry*]. Moscow, Vuzovskaya kniga, 2002, 256 p.

12. Fink E. The Main Phenomena of Human Existence [*Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya*]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: perevody* (The Problem of Man in Western Philosophy: Translations). Moscow, Progress, 1988, pp. 357–403.

УДК.130.2

Феномен языка в контексте культурно-коммуникативных процессов информационной цивилизации*

Кузнецова Евгения Владимировна – учреждение высшего образования «Университет управления «ТИСБИ», кафедра юридических и гуманитарных дисциплин, кандидат философских наук, доцент, Набережные Челны, Россия.

E-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

Россия, 423825, Набережные Челны, ул. Татарстан, 10 (25/14),
тел.: 8-917-864-11-84.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Культурно-коммуникативные процессы эпохи информационной цивилизации, происходящие на фоне интеграции и глобализации, кардинальным образом меняют взгляды исследователей на феномен языка.

Результаты: Язык является основным фактором в определении этнонациональной идентичности. Сохранение подлинной этнической идентичности, по мнению примордиалистов, невозможно без связанного с нею языка. С точки зрения конструктивистов, имеется немало случаев, когда язык продолжает жить, а народ, его носитель, уже нет (латинский язык). Язык традиционно является основным инструментом взаимодействия. Если язык определяет этнокультурную идентичность, то это с одной стороны, а с другой – он способствует взаимообогащению культур народов. В качестве подтверждения данного тезиса об обогащении культур через языковое взаимодействие следует назвать такое явление, как наличие заимствований. Примером языковой интеграции являются заимствования также на уровне дискурсивной аксиоматики. Таким образом, современный человек – прежде всего, человек коммуницирующий, активно вступающий во взаимодействие с другими субъектами.

Область применения результатов: Лексика (экзотизмы и интернационализмы) и дискурсивная аксиоматика рассматриваются как формы языковой интеграции. Представленный краткий анализ языковой интеграции адресован как культурологам, так и лингвистам.

Выводы: Происходящие в современном социуме культурно-коммуникативные процессы оказывают определяющее воздействие на феномен языка как основной инструмент коммуникации, на все формы его существования и развития. Каждый язык – это уникальное явление, также как и культура народа – его создателя и носителя – в целом. Одновременно с проблемой сохранения культурных особенностей народа встает проблема сохранения языкового своеобразия. Языковой барьер зачастую непреодолим в коммуникации, в то же время именно язык способствует активной культурной интеграции. Единство в языке, но различие в образе мыслей – вот что является

* © Е. В. Кузнецова, 2018

определяющим признаком культур ныне живущих народов. И коммуникация выступает как основное условие экзистенции современного человека.

Ключевые слова: коммуникация; интеграция; информационная цивилизация; язык; культура; глобализация; дискурс; микродискурс; примордиалисты; конструктивисты; этнонациональная идентичность.

Language Phenomenon in Cultural and Communicative Context of Information Civilization

Kuznetsova Evgenia Vladimirovna – University of Management “TISBI”, Department of Law and Humanities, Ph. D. (Philosophy), associate professor, Naberezhnye Chelny, Russia.

Email: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru
10(25/14) Tatarstan st., Naberezhnye Chelny, 423825, Russia,
tel.: 8-917-864-11-84.

Abstract

Background: In information civilization, cultural and communicative processes, taking place against the background of integration and globalization, radically change the views of researchers on the language phenomenon.

Results: Language is the main factor in determining ethno-national identity. According to primordialists, the preservation of genuine ethnic identity is impossible without the language associated with it. From the point of view of constructivists, there are many instances when the language continues to live, but the people, its carrier, no longer exist (e. g. the Latin language). Language is traditionally the main tool of interaction. On the one hand, a language defines an ethno-cultural identity, and on the other, it promotes the mutual enrichment of peoples' cultures. To confirm the idea of cultures enrichment by means of linguistic interaction, one should cite the phenomenon of borrowing. An example of language integration is borrowing at the level of discursive axiomatics. Thus, contemporary people, first, are people who communicate, interacting with one another.

Implications: The lexicon (exoticisms and internationalisms) and discursive axiomatics are considered to be forms of language integration. The presented brief analysis of language integration is addressed to both cultural studies researchers and linguists.

Conclusion: Cultural and communicative processes occurring in modern society have a decisive influence on the phenomenon of language as the main tool of communication, on all forms of its existence and development. Every language is a unique phenomenon, as well as the culture of the people as a whole. Along with the issues about preserving people's cultural peculiarities, the issues about preserving linguistic identity are raised. Language differences are a barrier, which is difficult to break down, but, at the same time, language promotes active cultural integration. Unity in language, but a difference in the way of thinking is the distinctive feature of contemporary peoples' cultures. Communication is the main condition for their

existence.

Keywords: communication; integration; information civilization; language; culture; globalization; discourse; microdiscourse; primordialists; constructivists; ethno-national identity.

Коммуникация выступает как составная часть процесса глобализации. Взаимодействие между отдельными индивидами и народами определяет культурную картину общества, все его дальнейшее развитие и функционирование. Отдельный человек всегда связан посредством коммуникации с целым своего народа, расы, к которой он принадлежит, наконец, всего человеческого рода. Язык в этой связи является одним из главных признаков культурного единства народа, отличающего его от других этнических общностей.

В трудах многих исследователей – представителей как отечественной, так и зарубежной гуманитарной мысли – язык выделяется в качестве одного из важнейших объективных свойств этноса, выступающих либо условием формирования этого этноса, либо итогом этногенеза [см.: 1]. Язык – это универсальный критерий различия этносов, передающийся по наследству, через условно-рефлекторный механизм сигнальной наследственности, когда потомство путем подражания перенимает от родителей и сверстников поведенческие стереотипы, являющиеся одновременно и адаптивными навыками [см.: 2].

Язык, наряду с религией, признавался в течение многих веков, еще до формирования научных представлений Нового и Новейшего времени, одним из признаков этноса, лежащего в основе мироощущения или менталитета народа, а значит и в основе его культуры. В. Гумбольдт не случайно называет язык носителем именно духа народа, так как язык и система духовных ценностей тесно связаны друг с другом.

Самобытность мышления, психики, традиций, обычаев и других культурных особенностей народа проявляется в структуре языка и в речевом поведении его носителей. Рассмотрим в этой связи точки зрения различных ученых относительно языка и этнической культуры.

И. Срезневский считал язык нераздельной собственностью народа, замечая, что народ точнее и вернее всего выражает себя в языке [см.: 3]. Язык у А. Потебни – «среднее звено между миром познаваемых предметов и познающим лицом... совмещающим в себе объективность и субъективность». Изоморфизм языка и мышления, по его мнению, побуждает народ беспрестанно переделывать язык, применяя его к изменчивым потребностям своей мысли [см.: 4]. Назначение языка с точки зрения В. фон Гумбольдта – служить орудием для разнообразнейших индивидуальностей. «Нация, говорящая на одном языке, включает в себя все нюансы человеческой самобытности» [5, с. 202].

Существование языка доказывает, что бывают творения духа, которые могут родиться лишь благодаря одновременной совместной деятельности

народа в целом. Форма всех языков глубоко индивидуальна, так как они (языки) творятся самими народами – носителями духа, но следует учитывать тот факт, что культура любого народа всегда находится во взаимодействии с культурами других народов – по крайней мере, находящихся в одном ландшафтном регионе. Следствие этого – похожесть языков по форме и содержанию. Культурный фактор безусловно важен в языке. Для народа потерять свои языковые особенности – значит отчасти потерять и культурную самобытность. Культурные различия составляют основу коммуникации. Чем больше различия, тем труднее коммуникация. Однако мы не должны здесь забывать о том, что в процесс общения вступают люди, а не культуры. Коммуникация – это не только передача сообщения и его принятие (неприятие), это еще и наши личные взаимоотношения, а все отношения определяются через язык – средство беседы. Коммуникацию можно предсказывать и контролировать. Языковой барьер часто становится «непреодолимым» препятствием в общении. Необходим единый язык взаимопонимания. Однако здесь следует помнить о том, что межэтническому общению препятствуют не только различные вербальные знаки и символы, но и различные культуры в целом. Поэтому изучение языка других народов включает в себя изучение их культур.

Очевидно, что язык является основным фактором в определении национальной идентичности. Не случайно И. Г. Фихте называет язык определяющей особенностью нации. Н. Э. Хобсбаум считает, что национальные языки и идентичности находятся в сложном «диалектическом взаимодействии» [6]. Сохранение подлинной этнической идентичности невозможно без сохранения традиционно связанного с ней языка. Также очевидно, что в современном мире наметилась тенденция к исчезновению целого рода этнокультур и языков. Так, сторонники примордиалистского подхода убеждены, что местная социокультурная реальность отмечена самобытностью, и прежде всего это касается культурной и политической «повседневной» жизни народа. Примордиалисты также утверждают, что народы, утратившие свой исторический язык и традиционно связанную с ним этнокультуру, испытывают на себе мучительный опыт пребывания «между жизнью и смертью». Вместе с утратой языка они утрачивают свои сложившиеся представления о нравственности, значимости прошлого, настоящего, будущего. Характеризуя основную особенность связи между языком и этничностью, примордиалисты рассматривают эту связь как обязательную, неоспоримую, закрепляемую преемственностью между поколениями. Сохранение подлинной этнической идентичности, по их мнению, невозможно без традиционно связанного с ней языка. И, как правило, в прошлом немало народов исчезало вместе со своим языком (шумеры).

С точки зрения конструктивистов, имеется немало «свидетельств» обратного: утрата связи с языком не приводила к утрате соответствующей этнической идентичности, и наоборот, известно, когда народ исчезал (римляне), а язык продолжал «жить»: в образовательных институтах, в культурных артефактах и других языках (латинский).

Почти все представители этого направления полагают, что вследствие возрастания рациональности и сложности современного общества социальные идентичности, основанные на «мифах» культурной самобытности и подлинности, становятся ненужными и неуместными. Конструктивисты продолжают предсказывать приход «дивного нового мира единых рынков и тесно связанных мегаценностей, мегакультур и мегаязыков». Они почти не сомневаются в том, что Европейский союз неизбежно возьмет курс на сокращение числа действующих языков, то есть они считают естественным процесс сокращения существующего числа языков и этнокультур.

Итак, язык является одним из главных признаков культурного единства народа, отличающего его от других этнических общностей. Но, отличая все народы друг от друга, язык в то же время способствует расширению культурных связей и усилению культурного взаимообмена. Одновременно с проблемой сохранения культурных особенностей народа встает проблема сохранения языкового своеобразия. Изменения, происходящие сегодня в мире, безусловно, оказывают влияние на развитие и функционирование языка как основного коммуникационного средства на фоне всех этнокультурных процессов.

Каждая из дописьменных культур существовала в состоянии изоляционизма, резкого противопоставления своего чужому (только «свое» считалось нормой и ценностью), обостренного чувства вражды и неприязни ко всему, что выходило за ее пределы. Такие культуры строились на традициях, верованиях, мифах, поддерживаемых и транслируемых благодаря природным способностям человека – памяти, слуху, зрению. «Эти цивилизации, – писал Леви-Строс, – не дают в наши руки письменных документов, ибо у них вообще нет письменности» [7, с. 17]. «Чужак» в таких культурах отождествляется с врагом, чужие обряды и обычаи высмеиваются. Обладая пространственным разнообразием, повышенной изменчивостью при переходе от одной местности к другой, они в своем существовании во времени отличаются исключительным постоянством, невосприимчивостью к инновациям, к каким-либо глубоким переменам. Как справедливо замечает В. Межуев, отсутствие в их способе воспроизводства временной координаты при наличии пространственной – прямое следствие их традиционализма [см.: 8, с. 32]. Еще одна особенность этих культур – их групповой коллективный характер, отсутствие в них развитого индивидуального начала. Они анонимны, безымянны. Никто не знает авторов культурных артефактов, созданных в дописьменный период существования человечества.

Из закрытости этих культур, их непроницаемости для внешних влияний следовала затрудненность диалога между ними. Этнические культуры позволяли каждому народу оставаться самим собой, но мало способствовали его совместной жизни с другими народами. Поэтому изобретение письменности стало исторической необходимостью, следствием осознания человеком своего узкого горизонта мировоззрения. Система знаков, зафиксированных на бумаге, изначально была способна объединять людей, живущих на больших пространствах. Так, Средневековая Европа, читавшая и

писавшая по-латыни, осознавала себя одной христианской нацией. Роль латинского языка была исключительной. Латынь стала постепенно единственным языком культуры, тогда как в быту люди общались на других языках. Между тем, латинский – это язык, на котором функционировало общество. Богослужения совершались на латыни, дипломатические переговоры велись на латыни, обучение в школах и университетах шло тоже на латыни. Очевидно, что латинский язык был фактором культурной интеграции. Примерно такую же роль, как латинский в Западной Европе, на Ближнем Востоке сыграл арабский язык. С распространением ислама жители Востока были вынуждены, приняв новую религию, освоить новый для себя язык – арабский, поскольку в течение ряда столетий Коран – священная книга мусульман – существовал только на арабском.

Начало созданию различных литературных языков положил перевод Библии и Корана с латыни и арабского на языки народов Европы и Востока. Возникшие на исходе средневековья этнические культуры представляли собой своеобразный сплав каждого народа с традициями и понятиями общеевропейской или исламской цивилизации. Без синтеза общего и особенного нет и не может быть никакого духовного богатства. Чем активнее культура одного народа взаимодействует с культурами других народов, тем в большей степени она обогащается. А средством взаимодействия, как известно, является язык. В качестве подтверждения данного тезиса об обогащении культур через языковое взаимодействие можно привести такое явление в языке, как наличие заимствований, а именно экзотизмов. Экзотические слова называют реалии, не известные носителям:

– названия танцев, вокальных произведений: вилотта – песенный жанр у итальянцев, вильянсико – песенный жанр у испанцев, хоруми – аджарский мужской хороводный танец;

– названия национальных обычаев: амбиланак – обычай усыновления зятя у народов Индонезии, касым – осенний праздник у турок, сорорат – брачный обычай у некоторых народов в период первобытнообщинного строя.

При этом нельзя не отметить, что ряд слов, которые можно отнести к какой-либо из перечисленных тематических групп, отчасти или полностью потеряли свою специфичность: халат, халва, плов, папаха. Но рассмотренные нами примеры свидетельствуют, что культурная специфика, передаваемая в значении слова или в его коннотациях, характеризует различные стороны жизни того или иного этнического сообщества: быт, традиции, обычаи и обряды, социальное, политическое устройство, религиозные особенности и т. д. Соответствующие слова во всех случаях несут не только номинативную, но и культурную функцию, сигнализируя о том или ином культурном феномене.

Наиболее ярко идею языковой интеграции в процессе коммуникативного обмена путем заимствований реализуют не только экзотизмы, но и слова-интернационализмы, сохраняющие тождество значения в разных языках [см.: 9, с. 149]. В качестве примера можно привести англоязычные заимствования, обозначающие реалии техники, деловой жизни и культуры конца XIX века (film, record, autocar, music hall, business, weekend, jazz и т. д.) и

компьютерные термины (byte, chip, bit, scanner).

Интеграция языков происходит не только на уровне лексики, но и на уровне дискурсивной аксиоматики. В культуре каждого этноса имеются дискурсы, получившие символический характер при формировании народа: миф о близнецах Ромуле и Реме, легенда о Вильгельме Телле, песнь о Роланде и т. д. К микродискурсам следует отнести иноязычные крылатые выражения и поговорки, воспроизводимые в оригинальной форме: *time is money*, *to be or not to be*, *cherchez la femme*.

В современной русской коммуникативной традиции очень часто встречаются следующие мифосимволы, употребляемые в качестве аллегорий и в составе паремий: Аид, Зевс, Морфей, Пигмалион, Дедал, Икар, Ахиллес, Галатея, Эдип, Ясон, Понтий Пилат, Шерлок Холмс и т. д.

Таким образом, языковой символ есть такая сущность, которая передает смысл другой сущности, не данной нам непосредственно. Слово-символ эндотропно, оно свертывает в себе смысл тех контекстов, в которых употребляется. Содержание символа постоянно обогащается в коммуникации благодаря тому, что он является свертывающим оператором.

В культуре существование человеческой индивидуальности неотделимо от владения письменным словом. Письменное слово обращено к каждому, оно является главным средством общения людей и позволяет каждому народу сохранять свою специфичность и одновременно с этим реализовывать диалогичность. Современные этнические культуры по своему характеру локальны и универсальны. Единство в языке, но различие в образе мыслей – вот что является определяющим признаком культур ныне живущих народов. Согласно Гумбольдту, формы всех языков восходят, по существу, к одной форме, поэтому «одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим собственным языком» [5, с. 74]. Благодаря тому, что язык совмещает в себе и знаковое, и символическое, являясь универсальной семиотической матрицей, единым планетарным феноменом, он призван обеспечить в будущем, по мнению П. Тейяра де Шардена, наступление «ноосферы» – сферы мысли, единого коллективного сознания [см.: 10, с. 17].

Коммуникация – эта та почва, на которой произрастает древо современной философии, совершившей антропологический поворот в своем развитии. Современный человек – прежде всего человек коммуницирующий, понимающий, создающий новое и стремящийся передать это новое другим субъектам. Жить, по мнению М. Бахтина, – значит участвовать в диалоге, спрашивать и отвечать.

В новых социальных условиях мышление человека отходит от идеала аподиктичности разума, формируя мыслительный плюрализм. Становясь на исследовательскую позицию, современный субъект переходит в рефлексивное состояние. Коммуникация с ее внутренними векторами – пониманием и аргументированием – выступает экзистенцией человека-исследователя.

Список литературы

1. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М.: Наука, 1987. – 333 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Рольф, 2002. – 556 с.
3. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. – М: Учпедгиз, 1959. – 133 с.
4. Потебня А. А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
6. Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 49–59.
7. Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М.: Терра – Книжный клуб; Республика, 1999. – 392 с.
8. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс-Традиции, 2006. – 408 с.
9. Крысин Л. П. Заимствованное слово как транслятор иной культуры // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и этноязычные процессы: В 2 кн. Кн. 1. – М.: Наука, 2006. – С. 165–171.
10. Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 240 с.

References

1. Bromley Y. B. Ethnosocial Processes: Theory, History, Modernity [*Etnosotsialnye protsessy: teoriya, istoriya, sovremennost*]. Moscow, Nauka, 1987, 333 p.
2. Gumilyov L. N. Ethnogenesis and the Biosphere of Earth [*Etnogenez i biosfera Zemli*]. Moscow, Rolf, 2002, 556 p.
3. Sreznevsky I. I. Thoughts on the History of the Russian Language [*Mysli ob istorii russkogo yazyka*]. Moscow, Uchpedgiz, 1959, 133 p.
4. Potebnja A. A. Word and Myth [*Slovo i mif*]. Moscow, Pravda, 1989, 624 p.
5. Humboldt A. von. Selected Works on Linguistics [*Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu*]. Moscow, Progress, 1984, 400 p.
6. Hobsbawm E. Are All Tongues Equal? Language, Culture, and National Identity [*Vse li yazyki ravny? Yazyk, kultura i natsionalnaya identichnost*]. *Logos* (Logos), 2005, № 4 (49), pp. 49–59.
7. Lévi-Strauss C. Primitive Thinking [*Pervobytnoe myshlenie*]. Moscow, Terra – Knizhnyy klub; Respublika, 1999, 392 p.
8. Mezhuev V. M. The Idea of Culture. Essays on the Philosophy of Culture [*Ideya kultury. Ocherki po filosofii kultury*]. Moscow, Progress-Traditsii, 2006, 408 p.
9. Krysin L. P. Borrowed Word as a Translator of another Culture [*Zaimstvovannoe slovo kak translyator inoy kultury*]. *Globalizatsiya – etnizatsiya: Etnokulturnye i etnoyazychnye protsessy: V 2 kn. Kn. 1* (Globalization – Ethnicization: Ethnocultural and Ethno-Lingual Processes. In 2 Books. Book 1). Moscow, Nauka, 2006, pp. 165 – 171.
10. Chardin P. T. de. The Phenomenon of Man [*Fenomen cheloveka*]. Moscow,

Наука, 1987, 240 p.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 159.942; 612.821

Исследование В. С. Дерябиным влияния эмоций на физиологические процессы как психофизиологический подход к изучению патогенеза психосоматических заболеваний*

Забродин Олег Николаевич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук.

Email: ozabrodin@yandex.ru

197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 6–8,
тел.: +7 950 030 48 92.

Авторское резюме

Предмет исследования: Комментарий к неопубликованному разделу монографии В. С. Дерябина «Чувства, влечения, эмоции»: «Влияние эмоций на физиологические процессы».

Результаты: В изучении влияния психики на функции и структуру организма и их нарушения – психосоматические заболевания – сохраняется дуализм. В. С. Дерябин в своих исследованиях преодолел дуализм путем изучения влияний на эти процессы эмоций – психофизиологических по своему содержанию. Тем самым был обоснован материалистический подход к изучению патогенеза психосоматических заболеваний.

Ключевые слова: эмоции; физиологические процессы; психосоматические заболевания; патогенез; психофизиологический подход.

V. S. Deryabin's Study of Emotion Influence on Physiological Processes as a Psycho-Physiological Approach to the Research of Psychosomatic Diseases Pathogenesis

Zabrodin Oleg Nicolievich – The First Saint Petersburg State Medical University named after Academician I. P. Pavlov of the Ministry of Health of the Russian Federation, Department of Anaesthesiology and Reanimatology, Senior Researcher, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Email: ozabrodin@yandex.ru

6–8 Leo Tolstoy st., Saint Petersburg, 197022, Russia,

* © О. Н. Забродин, 2018

tel.: +7 950 030 48 92.

Abstract

Background: The comment on the unpublished section of V. S. Deryabin's monograph "Feelings, Inclinations, Emotions": "Emotion Influence on Physiological Processes".

Results: Dualism is preserved in studying the influence of psyche on functions and structure of the body and their disorders, i. e. psychosomatic diseases. In his research V. S. Deryabin has overcome dualism by studying the influences on these processes of emotions – psycho-physiological according to their contents. Thus, the materialistic approach to studying pathogenesis of psychosomatic diseases has been proved.

Keywords: emotions; physiological processes; psychosomatic diseases; pathogenesis; psycho-physiological approach.

Имеются различные определения понятий «психосоматика», «психосоматическая медицина», «психосоматические заболевания», сходные по общему содержанию. Так, психосоматика – направление в медицине (психосоматическая медицина) и психологии, изучающее влияние психологических факторов на возникновение и течение соматических (телесных) заболеваний.

Согласно развернутому определению, психосоматические заболевания – это заболевания, причинами которых являются в большей мере психические процессы больного, чем непосредственно какие-либо физиологические причины. Если медицинское обследование не может обнаружить физическую (физиологическую – О. З.) или органическую причину заболевания, или если заболевание является результатом таких эмоциональных состояний, как гнев, тревога, депрессия, чувство вины, тогда болезнь может быть классифицирована как психосоматическая.

В этом и других определениях психосоматических заболеваний сохраняется дуализм: с одной стороны – процессы чисто психические, с другой – соматические заболевания с их органическими симптомами.

Работа В. С. Дерябина «Влияния эмоций на физиологические процессы» представлена автором в виде подраздела к главе IV «Эмоции» монографии «Чувства, влечения, эмоции», написанной в конце 20-х гг. прошлого столетия и подготовленной к печати в середине 30-х гг. Этот подраздел не вошел в текст книги при ее опубликовании в 1974 г. [см.: 1]. Обсуждаемая работа носит в первую очередь философский, методологический характер. В ней с позиций материалистического монизма, психофизиологического единства изложены принципы изучения влияния психики на организм с его органами и тканями, их физиологическими функциями и их нарушениями – психогенными и нейрогенными заболеваниями.

В связи с наличием во взглядах на взаимоотношение психики и сомы упомянутого выше дуализма, В. С. Дерябин взял за основу патологических влияний психических факторов действие эмоций – явлений

психофизиологических. Известно, что сильные эмоции (страх, тревога, ярость, гнев и др.) невозможны без их физиологических проявлений в виде реакции вегетативной нервной системы, и в первую очередь – симпатической нервной системы (СНС). Согласно исследованиям В. Кеннона и сотрудников [см.: 3; 7], указанные эмоции активируют симпатико-адреналовую систему (САС) с выбросом в кровь симпатина (впоследствии идентифицированного как медиатор СНС норадреналин – НА) и гормона мозгового слоя надпочечников адреналина (А). В связи с этим понятно включение в упомянутую монографию разделов главы IV «Влияние симпатической нервной системы при боли» и «Влияние адреналина на функции организма», в которых подробно описано действие активации САС на органы и физиологические системы организма: сердечно-сосудистую, дыхательную, выделительную, органы чувств, поперечнополосатую мускулатуру и др. Раздел этот также не вошел в первую публикацию монографии в 1974 г.

Изложение «Влияния эмоций на физиологические процессы» ограничено автором описанием тормозного действия отрицательных эмоций на моторику желудка, двенадцатиперстной кишки (ДПК) и отделение желудочного сока, взятую из работ У. Кеннона [см.: 3]. Вместе с тем в настоящее время эти патологические явления, принимающие хронический характер, могут трактоваться как предшественники таких заболеваний, как гастрит, холецистит, панкреатит. Согласно современным данным [см.: 4], застой пищи в ДПК (дуоденостаз), повышение давления в ней препятствуют эвакуации желчи и панкреатического сока из соответствующих протоков и способствуют развитию холецистита и панкреатита.

К настоящему времени накопился значительный экспериментальный и клинический материал о физиологических эффектах САС. У. Кенноном развито учение о гомеостатической роли САС [см.: 7], т. е. о ее способности осуществлять в организме гомеостаз (постоянство внутренней среды организма), т. е. поддерживать физиологические параметры жизненно важных показателей крови и дыхания и возвращать их к норме в случае отклонения от указанных параметров. Созвучно этому учению учение об адаптационно-трофическом действии СНС [см.: 5] на центральную и периферическую нервную системы, поперечнополосатую мускулатуру и органы чувств.

СНС поддерживает в организме целостность органов и тканей, их резистентность к повреждающим воздействиям путем активации в них трофических (энергетических, пластических) процессов, что получило название «нервная трофика». Учение о нервной трофике и ее нарушениях имеет длительную историю и связано с именами Ф. Мажанди, И. П. Павлова, В. Гаскелла, Л. А. Орбели, А. Д. Сперанского, С. В. Аничкова и др.

В. С. Дерябин в своих работах неоднократно повторял, что всякий психический процесс является одновременно процессом психофизиологическим [см.: 2]. В свое время нас учили на кафедре философии, что психика есть идеальное и ее никак нельзя сливать с материальным, иначе получится вульгарный материализм. Между тем наш великий физиолог Иван Петрович Павлов в своем капитальном труде «Двадцатилетний опыт

объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных» писал, что «наступает и наступит, осуществится естественное и неизбежное сближение и, наконец, слитие психологического с физиологическим, субъективного с объективным – решится фактически вопрос, так долго тревоживший человеческую мысль. И всяческое дальнейшее содействие этому слитию есть большая задача ближайшего будущего науки» [6]. Это высказывание не следует понимать механистически. Речь идет о достижении совершенства в понимании единства (двуединства!) психических и физиологических процессов.

Представляется принципиально важным положение В. С. Дерябина, изложенное в приводимой ниже статье: «Если бы медицина стала на ту точку зрения, что болезни могут возникать по причинам нематериальным, цепь явлений материальных оказалась бы при таком представлении порвана вследствие того, что в ряд явлений материальных, протекающих по принципу причинности, вторгаются факторы нематериальные».

Согласно эволюционному подходу, развиваемому В. С. Дерябиным в его работах, эмоции, наряду с чувствами и влечениями (мотивациями), представляют собой более совершенный этап эволюционного развития аффективности (чувств, влечений и эмоций). Поэтому и монографию «Чувства, влечения, эмоции» он заключает словами: «Изложенные факты дают достаточные основания трактовать чувства, влечения и эмоции как психофизиологические процессы, понимание которых может быть достигнуто при рассмотрении их с эволюционной точки зрения» [1].

В связи со своими взглядами на психофизиологическую природу эмоций, автор в разделе «Возражения против теории Джемса – Ланге» (связывающей возникновение эмоций с висцеральными, т. е. возникающими внутри органов, ощущениями, достигающими путем центrostремительной импульсации коры головного мозга) упомянутой монографии выдвинул свой вариант происхождения эмоций, лишенный крайностей психологизма и физиологизма. При этом он писал: «Если концепцию Джемса – Ланге дополнить, приняв во внимание участие в эмоциональных реакциях таламических и гипоталамических центров (головного мозга – О. З.), то ход физиологических процессов, с которыми связаны эмоциональные реакции, можно представить в таком виде. Процессы могут протекать как «сложнейшие безусловные рефлексы», осуществляющиеся через подкорковые центры (И. П. Павлов), и по типу временной связи, представляя «объединенную деятельность коры и подкорки».

Раздел «Возражения против теории Джемса – Ланге» также не был опубликован при первом издании книги. Исключение нескольких упомянутых выше разделов монографии было связано с тем, что при ее подготовке к изданию редакторы стремились в первую очередь представить психологию эмоций, считая, по-видимому, физиологию эмоций более трудной для понимания широкого читателя. Между тем, в обиходе нередко можно слышать упоминание об А-гормоне, выделяющемся в экстремальных условиях. О нем пишут с положительным оттенком как о веществе, позволяющем вызвать

острые ощущения, скрасить пусть обеспеченное, но часто однообразное офисное существование.

В свете вышеизложенного, в связи с важностью психофизиологического понимания влияния эмоций на функции и структуру органов организма в норме и патологии, в данной публикации научного наследия В. С. Дерябина представлен неопубликованный ранее раздел монографии «Чувства, влечения, эмоции»: «Влияние эмоций на физиологические процессы».

Список литературы

1. Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции. О психологии, психопатологии и физиологии эмоций. Изд. 3-е, доп. – М.: ЛКИ, 2013. – 224 с.
2. Дерябин В. С. Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова о «слитии» субъективного с объективным // Психофармакология и биологическая наркология. – 2007. – Т. 7. – № 3–4. – С. 2202–2207.
3. Кеннон В. Физиология эмоций. – Л.: Прибой, 1927. – 175 с.
4. Костюченко А. Л., Филин В. И. Неотложная панкреатология. – СПб.: ДЕАН, 2000. – 480 с.
5. Орбели Л. А. О некоторых достижениях советской физиологии // Избранные труды. Т. 2. – М.–Л.: Изд. АН СССР, 1962. – С. 587–606.
6. Павлов И. П. О возможности слияния субъективного с объективным. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных // Полное собрание сочинений. Т. III. Кн. 2. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 151–152.
7. Cannon W. B. The Wisdom of the Body. – New York: W. W. Norton & Company, 1939. – 333 p.

References

1. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations, Emotions: About Psychology, Psychopathology and Physiology of Emotions [*Chuvstva, vlecheniya, emotsii. O psikhologii, psikhopatologii i fiziologii emotsiy*]. Moscow, LKI, 2013, 224 p.
2. Deryabin V. S. Psycho-Physiological Problem and I. P. Pavlov's Doctrine about "Conjointery" of Subjective with Objective [*Psihofiziologicheskaya problema i uchenie I. P. Pavlova o "slitii" subektivnogo s obektivnym*]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2007, Vol. 7, № 3–4, pp. 2202–2207.
3. Cannon W. B. Physiology of Emotion [*Fiziologiya emotsiy*]. Leningrad, Priboy, 1927, 175 p.
4. Kostyuchenko A. L., Filin V. I. Emergency Pancreatology [*Neotlozhnaya pankreatologiya*]. Saint Petersburg, DEAN, 2000, 480 p.
5. Orbeli L. A. About Some Achievements of Soviet Physiology. [O nekotorykh dostizheniyakh sovetskoy fiziologii]. *Izbrannye trudy. T. II* (Selected Works. Vol. 2). Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1962, 587–606 p.
6. Pavlov I. P. About Possibility of Conjointery of Subjective with Objective [O vozmozhnosti slitiya subektivnogo s obektivnym. Dvadtsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatelnosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie*

sochineniy, T. III. Kn. 2. (Complete Works. Vol. III. Book 2). Moscow–Leningrad, Isdatelstvo AN USSR, 1951, pp. 151–152.

7. Cannon W. B. *The Wisdom of the Body*. New York, W. W. Norton & Company, 1939, 333 p.

В. С. Дерябин

Влияние эмоций на физиологические процессы*

(Публикация О. Н. Забродина)

В классификации душевных болезней есть отдел психогенных заболеваний, т. е. заболеваний, которые возникают вследствие психических воздействий эмоционального характера, например, невроз страха, невроз ожидания, бред кверулянтов и др.

По общераспространенным представлениям в среде немедицинской, от волнений, от огорчений, страха можно заболеть, а от радости – выздороветь.

Таким образом, и с научной точки зрения, и по ходячим взглядам, даже в среде малокультурной, психика оказывает влияние на тело, но есть огромная разница между пониманием примитивным и научным. Примитивное представление таково, что психические процессы есть нечто нематериальное.

Если бы медицина стала на ту точку зрения, что болезни могут возникать по причинам нематериальным, цепь явлений материальных оказалась бы при таком представлении порвана вследствие того, что в ряд явлений материальных, протекающих по принципу причинности, вторгаются факторы нематериальные. Однако, как видно из вышеизложенного, эмоции не есть явления, существующие без связи с материей, а представляют психофизиологические процессы, отличающиеся в отношении физиологическом от прочих физиологических процессов лишь тем, что они протекают в наиболее высоко организованной материи, где усложнение процессов придает эмоциям новые качества – процесса психофизиологического. Это ведет к появлению нового свойства высших физиологических процессов – субъективной, психологической стороны. Г. В. Плеханов подчеркивал, что всякое данное психическое состояние есть лишь одна сторона процесса, другую сторону которого составляет физиологическое явление.

Одни и те же процессы субъективно воспринимаются как психические переживания, а объективно изучаются как процессы физиологические. Физиологическая сторона этих психофизиологических процессов включена в общую цепь физиологических процессов, протекающих по законам причинности.

Физиологические явления, которыми обусловлено переживание эмоций, не сводятся только к мозговым процессам, но при этом происходят изменения в разных органах. *Органом эмоциональных переживаний мозг становится лишь в связи со всем телом* (разрядка моя – О. З.). В сложной цепи физиологических процессов лишь ничтожная часть их связана с отражением в субъективном

* © О. Н. Забродин, 2018

сознании, и проявление этого нового свойства высокоорганизованной материи не нарушает связи и закономерности течения физиологических процессов в целом. Влияние биологических факторов на психику и психики на физиологические процессы не есть взаимоотношение материального и духовного – нематериального, а явлений физиологических и психофизиологических.

Если кто-либо испугался волка, то физиологический процесс протекает так: раздражение колбочек сетчатки глаза светом вызывает возбуждение, которое по нервным путям идет в зрительные центры коры головного мозга, где, оживляя следы прошлых сходных возбуждений, вызывает восприятие волка. Вместе с тем, вследствие установившейся временной связи, возбуждение распространяется на таламус, вследствие чего в нем вызывается реакция, связанная с переживанием эмоции страха. Идя дальше, возбуждение распространяется на вегетативные центры гипоталамуса. Этим рефлекторно вызывается сердцебиение, осуществляется влияние на дыхание, мускулатуру, стимулируется деятельность желез внутренней секреции, усиливающих возбуждение вегетативной нервной системы (в частности – щитовидной железы, мозгового слоя надпочечников).

Изменения во внутренних органах, действуя на окончания чувствительных нервов, вызывают возбуждение, которое проводится по афферентным (центростремительным) путям в таламус и кору головного мозга и усиливает имеющееся там возбуждение соответствующих центров, связанное с субъективным переживанием страха.

Из этого ряда физиологических процессов психическими свойствами обладают лишь процессы в головном мозгу. Центростремительное и центробежное распространение возбуждения не связано с сознательными процессами. Субъективно человек не воспринимает физиологических процессов, как таковых, и их взаимную связь. Изменения в теле и движения, вытекающие из эмоций, воспринимаются как следствия психического процесса, т. к. физиологические процессы протекают вне сферы сознания. Отсюда вытекает представление, что психическое нематериальное может вызвать материальные изменения. Если в психиатрии говорится о психогенном происхождении некоторых заболеваний, то при этом подразумевается действие факторов психофизиологических, т. е. что психическое воздействие есть в то же время материально-физиологическое воздействие, как об этом говорилось выше.

Сила реакции основана на прошлом опыте данной личности и действии онтогенетически развившихся механизмов. То, что незначительное раздражение может оказать потрясающее влияние на весь организм, не представляет чего-либо своеобразного, свойственного исключительно эмоциям: то же наблюдается и в сфере явлений физико-химических: искра может вызвать взрыв пороха, а выстрел в горах – снежный обвал. В организме всегда имеется запас накопленной потенциальной энергии, максимальное расходование которой может вызваться раздражением незначительной силы.

Человек, которого режут, может проявить отчаянную энергию

самообороны и выказать чрезвычайную силу, объясняющуюся возбуждением под влиянием боли симпатико-адреналовой системы – САС и выделением в кровь динамогенных гормонов (в частности, – адреналина – А, тироксина). Тот же человек, если на него вновь будет произведено нападение, при одном виде ножа даст такую реакцию, как будто бы нож уже делает свое дело: наступает возбуждение САС, повышается содержание А в крови и вместе с ними – способность к проявлению необычайной силы.

Сильнейшая реакция в ответ на малые раздражения с физиологической стороны вполне понятна. Это можно иллюстрировать таким примером. Возьмем два зрительных раздражения: вид куска хлеба и вид направленного на человека ножа. Силу зрительного раздражения в обоих случаях можно считать одинаковой. Однако возбуждение в первом случае пойдет по проторенному прежде пути в пищевой центр и вызовет у голодного человека отделение слюны. Во втором случае, нож – сигнал боли и угрозы жизни, вызовет общее возбуждение, которое пойдет на основании прошлого жизненного опыта по иному пути. Вызовет общее возбуждение САС и выделение А, питуитрина, гормонов щитовидной железы и пр., и это может произвести чрезвычайное динамогенное действие на организм.

И для выделения такого «невинного» секрета, как слюна, и для выделения ряда динамогенных гормонов достаточно одной и той же силы возбуждения, несмотря на огромную разницу в конечном эффекте. Выделение гормонов самых активных желез внутренней секреции не требует какого-то особого напряжения для организма. Когда змея выделяет яд при укусе, то это совершается как всякий другой рефлекторный акт. Выделить яд для змеи не представляет никакой трудности. Тот факт, что слабое раздражение действует нередко на психику сильнее сильного, не говорит о нарушении закона сохранения энергии. Объяснение кроется в филогенезе и онтогенезе реагирующего.

В настоящее время, когда путем научного анализа получены доказательства того, что эмоции представляют собой процессы психофизиологические и установлена непрерывность и материальная обусловленность течения этих процессов со стороны физиологической, психогенные воздействия на организм теряют свою загадочность и при медицинском изучении со стороны материальной занимают место в ряду высших физиологических и психофизиологических процессов.

Известно, что настроение и эмоции оказывают чисто материальное влияние на организм, на состояние сил, работоспособность, функции внутренних органов и т. д. Эмоции оказывают влияние и на физиологические процессы, протекающие помимо сознания.

Мы уже знаем, что ярость и гнев, как и боль, вызывают торможение сокращений ЖКТ и выделения желудочного сока, что является одним из частых показателей действия А и возбуждения СНС. В. Кеннон [см.: 1] такого рода остановку движений желудка установил рентгенологически. Мы уже упоминали о таком опыте, когда собаку перед мнимым кормлением дразнили кошкой. При последующем кормлении голодное животное жадно

набрасывалось на пищу, но за 20 мин отделилось лишь $9,5 \text{ см}^3$ кислого сока со слизью, тогда как при кормлении той же собаки в течение 5 мин без предварительного эмоционального раздражения выделилось $66,7 \text{ см}^3$ чистого желудочного сока. Если собаку приводили в ярость в то время, когда отделение сока было уже в полном ходу, тогда сокоотделение прекращалось. При сильных негативных эмоциях тормозится секреция не только желудочных желез, но и поджелудочной железы и печени. Это делает физиологическое пищеварение невозможным, а, кроме того, тормозя перистальтику, ведет к застою в ЖКТ.

То же наблюдается при сильных болях, а, следовательно, у раненых, оперированных, а также перенесших тяжелые травмы и т. п. В. Кеннон приводит такую иллюстрацию. В Бостон приехала женщина, эмоционально возбудимая, посоветоваться с врачом по поводу расстройства пищеварения. Приехала она вечером, а утром при исследовании после пробного завтрака было установлено отсутствие свободной соляной кислоты и застой пищи. Весь пробный завтрак и значительное количество ужина оставались в желудке не переваренными. Домашний врач сообщил, что вместе с пациенткой приехал муж, чтобы напиться «в лоск». Ночью она пережила много тревог и волнений вследствие буйства мужа. Через сутки больная отдохнула, успокоилась и при исследовании желудка были получены нормальные данные.

Весьма вероятно, что возникающие у нервных людей ощущения тяжести, давления в желудке и расстройства пищеварения нередко связаны с эмоциями отрицательного чувственного тона. Высказывалось даже предположение, что большинство диспепсий имеет функциональный характер – т. н. «нервная диспепсия», которую даже называют «эмоциональной диспепсией».

Механизм «психогенного» возникновения болезненных симптомов в данном случае ясен в виду того, что в настоящее время психофизиологические процессы страха и гнева стали ясны со стороны физиологической.

Как упоминалось, те же соматические явления, которые имеют место при страхе, производит боль, вызывающая выделение А.

Из этих фактов следует ряд практических выводов: не следует матери есть или кормить грудью ребенка вскоре после того, как было пережито состояние гнева или страха. Нужно помнить, что всякие неприятности во время еды также портят пищеварение. У душевнобольных, испытывающих сильные эмоции страха, гнева и т. п., у раненых, у оперированных и у больных, перенесших сильные боли, следует стимулировать пищеварение. Пища у них должна быть вкуснее обычной, чтобы сильнее возбуждались аппетит и сокоотделение, и должна быть более легко перевариваемой. Также необходимо помнить о необходимости очищения у них кишечника для удаления застаивающейся пищи.

Список литературы

1. Кеннон В. Физиология эмоций. – Л.: Прибой, 1927. – 175 с.

References

1. Cannon W. B. Physiology of Emotion [*Fiziologiya emotsiy*]. Leningrad, Priboy, 1927, 175 p.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf
- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет

- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся авторское резюме (обычно 100–250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно

иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net, в окошечке в верхнем правом углу ввести число 45848 и нажать кнопку «Загрузить настройки» (при переходе по гиперссылке с сайта нашего журнала или с pdf-версии номера эти настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [Транслитерированное название книги]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [Monadologiya]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obshchestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109–116.

Игнатьев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3–5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском

языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать

употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложенный подход к концепции информационного общества является попыткой сформулировать некоторые фундаментальные идеи философского материализма, необходимые, с точки зрения автора, для построения научной теории современного этапа общественного развития.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Рисунки должны быть предоставлены редакции отдельными файлами в форматах jpg или png и должны быть пронумерованы в том порядке, в каком появляются в тексте.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними

ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «Ph. D.» «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph. D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,

phone number: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...

2. ...

References

1. ...

2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2018.